

Научный
журнал

Социология и право

№ 3 (5) • 2010

**Научный
журнал**

Социология и право

№ 3 (5) • 2010

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор

*доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ
В. А. ГНЕВКО*

Заместитель главного редактора

*доктор экономических наук, профессор
Б. Б. КОВАЛЕНКО*

Редакционный отдел

*доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ
П. П. ГЛУЩЕНКО
доктор социологических наук, профессор
Я. А. МАРГУЛЯН*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

заместитель Генерального секретаря

*Германской службы академических обменов (DAAD),
Уполномоченный руководитель проекта
«Германский дом науки и инновации» при посольстве ФРГ в России,
доктор юридических наук, профессор
В. БЕРГМАНН*

*директор Социологического института РАН,
доктор экономических наук, профессор,
член-корреспондент РАН
И. И. ЕЛИСЕЕВА*

*вице-президент Торгово-промышленной палаты РФ,
доктор юридических наук, профессор
В. Б. ИСАКОВ*

*президент Ассоциации юридических вузов России,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ
М. Н. МАРЧЕНКО*

*директор Института социально-экономических проблем
народонаселения РАН, доктор экономических наук, профессор
А. Ю. ШЕВЯКОВ*

СОДЕРЖАНИЕ

Социальные проблемы общества

<i>С. С. Бразевич.</i> Общество как социальная реальность: проблемы управления и самоорганизации	4
<i>А. Н. Волкова.</i> Образовательная политика современного вуза в условиях глобализации	8
<i>С. Ю. Кириллов.</i> Сущность и предмет социального прогнозирования	14
<i>М. В. Маргулян.</i> Информационные технологии как фактор развития инновационного образования в России	26

Право в жизни государства и личности

<i>В. Г. Стрекозов, П. П. Глущенко.</i> Гражданско-правовые способы защиты конституционных прав, свобод и законных интересов граждан в РФ	33
<i>И. Е. Нельговский, А. В. Таркинская.</i> Гражданско-правовое регулирование расчетов с использованием банковских карт	53
<i>В. И. Кайнов.</i> Судопроизводство в римском частном праве	59
<i>Т. С. Юркова.</i> Государственное регулирование российского валютного рынка: предпосылки и эффекты либерализации.	70

CONTENTS

Social problems of a society

<i>S. S. Brazevich.</i> Society as a social reality: problems of guidance and self-organization	4
<i>A. N. Volkova.</i> Educational policy of present day institution of higher learning in globalization environment	8
<i>S. Yu. Kirillov.</i> Nature and subject of social forecasting	14
<i>M. V. Margulyan.</i> Information technologies as innovative education development factor in Russia	26

The law in a state and person life

<i>V. G. Strekozov, P. P. Gluschenko.</i> Civil ways of Russian Federation citizens' Constitutional rights, freedoms and legal interests protection	33
<i>I. E. Nelgovskiy, A. V. Tarkinskaya.</i> Civil regulation of bank cards transactions	53
<i>V. I. Kainov.</i> Proceedings in Roman private law	59
<i>T. S. Yurkova.</i> Government regulation of the Russian currency market: background and effects of liberalization.	70

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВА

УДК 316.444

С. С. Бразевич

ОБЩЕСТВО КАК СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ И САМООРГАНИЗАЦИИ

*S. S. Brazevich. Society as a social reality: problems of guidance
and self-organization*

В статье рассматривается феномен «общество» в контексте управления и самоорганизации, уточняется его новая роль в российском социуме, уточняются характеристики парадигмы управления.

Ключевые слова: общество, социальная реальность, теории общественных изменений, управление, организация, самоорганизация, социология управления

Контактные данные: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44; (812) 575-02-87; e-mail: brazevichss@km.ru

The article reviews phenomenon of society in the framework of guidance and self-organization, specifies its new role in Russian socium, specifies characteristics of guidance paradigm.

Key words: society, social reality, social change theories, guidance, organization, self-organization, management sociology

Contact details: 190103, Saint-Petersburg, Lermontovskiy pr., 44; (812) 575-02-87; e-mail: brazevichss@km.ru

Современное развитие социологического знания привело к результатам, меняющим некоторые традиционные подходы к социальному управлению, в том числе государственному, муниципальному, бизнес-управлению. Представление об объекте социологии, т. е. обществе, казавшееся незыблемым и всеобщим, обогатилось идеей социума как «самоорганизующейся системы социальных систем в реальном пространстве-времени, тесно взаимодействующей с природной самоорганизацией», «системы социального взаимодействия, социального континуума, встречного движения государства и общества, социального пространства взаимоотношений людей друг с другом и с институтами» [3, с. 188].

В этом контексте базисная структура социума выглядит следующим образом: социальные субъекты; социальная деятельность; социальные отношения; социальное сознание, культура, информация. По В. Г. Немировскому, каждый социум, подобно любому материальному объекту, имеет три субстанциональных уровня: вещественно-энергетический, функционально-организационный, информацион-

Святослав Станиславович Бразевич — заведующий кафедрой социологии и управления персоналом Санкт-Петербургской академии управления и экономики, доктор социологических наук, профессор.

© С. С. Бразевич, 2010.

ный. Первый представлен социальными общностями, второй — социальными институтами и организациями, третий — системами культуры [7, с. 103].

Представляется, что разработка проблем социума, социумных закономерностей и детерминаций существенно значима для понимания взаимодействия управления и самоорганизации, структур государственной службы и институтов гражданского общества, социального вектора предпринимательства.

В свою очередь государство как важнейший компонент российского и мирового социума есть институт политической и административной организации жизнедеятельности, реализующий общие потребности (личную и общественную безопасность, необходимый уровень и качество жизни граждан, социокультурные параметры и др.). Направление его развития в России — социальное, правовое, федеративное, светское государство во взаимодействии с гражданским обществом и рынком.

Связь между государством и обществом аргументированно показал еще Л. Г. Морган, автор «Древнего общества» [6]. Различая типы обществ (первобытно-коммунистическое, доклассовое и цивилизованное, классовое), он связывал их с «двумя планами управления» — собственно обществом (*societas*) и политической формой управления — государством (*civitas*). Семья и род, первичные ячейки общества, у Г. Моргана впервые получают научное обоснование, приобретают свою историю.

Общество (компонент социума) как особая социальная реальность, являясь «совокупностью социальных отношений» (К. Маркс), опирается не на личные и частные потребности и интересы. Н. А. Бердяев также полагал, что общество есть некая реальность, реальность не только «я» и «ты», но и «мы», т. е. проблема отношений — не «я» к «ты», а «я» к «мы» и через отношение к «мы» — отношение к «ты». По Э. Дюркгейму, общество — система, образованная ассоциацией индивидов и представляющая собой реальность, наделенную своими свойствами. Наконец, общество, утверждает П. Штомпка, необходимо рассматривать и как процесс, как постоянно делящийся, бесконечный поток событий.

Российское трансформирующееся общество приобретает новые качественные характеристики, выступает прежде всего как общество гражданское, открытое, демократическое. В данном контексте общество — сверхсложный социальный феномен, самоорганизующаяся и самоуправляющаяся система. В силу этого идея об управлении обществом со стороны тех или иных государственных институтов не является обоснованной и адекватной современной системе взаимодействий и взаимоотношений государства и общества.

Одновременно преодолевается некоторый методологический тупик, связанный со стремлением отдельных исследователей, занимающихся той или иной общественной проблемой, представить ее суть как некую синтезирующую характеристику современного общества. Так, появилось «информационное общество»; «общество риска» (У. Бек); «сетевое общество» (О. Тоффлер), «открытое общество» (К. Поппер); «горизонтальное общество», т. е. общество неиерархичной демократии (Г. Гусева); «технологизированное общество», или «общество сверхвысоких технологий»; «постиндустриальное общество» (Д. Белл), «супериндустриальное общество»; «общество абсурда, мистификации»; «досуговое, карнавальное общество», как бы «заигранное» общество... Можно продолжить этот ряд определений, однако хотелось бы акцентировать внимание на следующем: любое из этих и других подобных определений относится к группе доминирующих общественных характеристик, т. е. всегда лишь к определенной части, стороне, хотя и существенной, системы общественных отношений. Принцип дополнительности Н. Бора применительно к обществу как сверхсложной социальной реальности актуален сегодня как никогда.

Остановимся на одной из новейших тенденций развития современного общества — виртуализации, в соответствии с которой появляется и такая характеристика, как «виртуальное общество». Так, Д. В. Иванов считает, что «распространение технологий виртуальной реальности вызывается стремлением компенсировать с помощью компьютерных симуляций дефицит социальной реальности» [2, с. 156]. Налицо собственно социологический подход: не компьютеризация жизни виртуализирует общество, а виртуализация общества компьютеризирует жизнь. Представляется в связи с этим, что и понимание общества как системы институтов неминуемо подводит к проблеме виртуализации общества, поскольку институты — надличностные образования — персонифицируются, становятся первичной реальностью, а человек по отношению к ним выступает реальностью вторичной. По Г. В. Осипову, структуры начинают функционировать, т. е. обретают социальное бытие, только тогда, когда они наполняются действующими личностями, приводятся в движение индивидами и группами индивидов [8, с. 152]. В управленческом аспекте абсолютизация «принимаемого за реальное» (У. Томас) виртуального мира приводит к искажению смыслов и результатов управленческой практики.

В еще большей степени наши соображения относятся к попыткам абсолютизировать некоторые виды социальной деятельности, например инновационной, и на этой основе обосновать становление инновационного общества как социальный факт. В. С. Карпичев прав, считая, что недопустимо распространять «инновации» как феномен человеческой деятельности на природу и искать, к примеру, «инновационное цунами» или «идеальные землетрясения». В этом проявляется один из «идолов разума» (Ф. Бэкон), когда человек переносит человеческое в природу и населяет ее смыслами. Остается лишь их «распаковать» и предложить институтам и структурам управления, организации и самоорганизации.

Высказанные соображения отнюдь не снижают значимости разработки проблем инновационного развития, инновационного управления. Риски и угрозы будущего не позволят институтам управления «законсервироваться» на нынешнем опыте.

Российское общество имеет собственную и довольно разветвленную структуру управления и самоорганизации. К ней прежде всего относятся: муниципальная служба; бизнес-структуры; партийные структуры; институт семьи; административный институт конфессионального управления. Как видим, общим звеном здесь выступают негосударственные административные институты управления. Однако именно «административистике», включая административное государственное управление, особенно не повезло с социологическим «прикрытием». Концепция рациональной бюрократии М. Вебера остается, по существу, чуть ли не единственной методологией административного управления. Не в этом ли корень стереотипов вроде: «А зачем, собственно, нужна наука для административного управления?» Административное управление — это бюрократическое, механистическое, жесткое, силовое, безынициативное и т. п. управление. Сегодня представляют интерес самоорганизация региональных и муниципальных сообществ, особенности взаимодействия управленческих и самоуправляющихся структур, общественных движений и инициатив.

Поскольку общество не выступает субъектом непосредственной деятельности, осмысление роли общественных институтов — организаций, сохраняющих социальные характеристики институтов и одновременно объединяющих людей, реализующих совместную цель по определенным правилам и процедурам, — становится первоочередной задачей социологии управления. Общественные институты являются социальными субъектами управления и организации в обществе. С методологической же

точки зрения открывается возможность для понимания реального механизма включения общества как совокупности отношений в социум.

Остановимся в связи со сказанным на одной из ключевых проблем диалектики управленческого взаимодействия государства и общества в российском социуме — проблеме специфики и роли социокультурных систем. Возможно, в этом плане выступает более значимой и наполняется новым содержанием концепция культурной динамики П. Сорокина. В соответствии с ней социокультурная система должна обладать:

- идеологической культурой — совокупностью смыслов, ценностей и норм;
- поведенческой культурой — совокупностью значимых действий, через которые чистые смыслы, ценности и нормы проявляются и осуществляются;
- совокупностью всех других механизмов, материальных и биопсихологических объектов и энергий, посредством которых идеологическая культура выходит наружу, социализируется, давая материальную культуру [9].

Понимание структуры социокультурных систем, к которым П. Сорокин относил и такие суперсистемы, как язык, наука, философия, религия, право и др., дает возможность через культуру увязать общество как совокупность отношений с социальной деятельностью, в которой рождаются эти отношения, и с социальным сознанием как отражением социальной деятельности и социальных отношений. Данный вывод созвучен суждениям российских социологов, рассматривающих в своих исследованиях социокультурное как «детерминационно-императивный компонент человеческого бытия» [1, с. 25], как детерминанту исторического процесса [4, с. 136]. В свою очередь управление «через культуру», управление развитием организационной культуры привлекает все большее внимание российских и зарубежных исследователей.

Еще один аспект — деятельностный. По К. Марксу, любая социальная жизнь, главным образом практика, «реальность чувственного мира», должна восприниматься «как конкретная деятельность людей». Система социальной деятельности, как мы уже отмечали, относится к важным компонентам социума. Поэтому еще раз отметим, что существенным моментом выступает осмысление роли особого класса институтов — институтов-организаций, т. е. ассоциированных субъектов социальной деятельности и, прежде всего, социального управления. Социальное сознание одновременно рассматривается в качестве механизма опережающего отражения действительности, являющегося глубинной основой стратегического управления.

Завершая осмысление в управленческом контексте триады «социальная деятельность — социальные отношения — социальное сознание», остановимся на проблеме взаимодействия общества и социального сознания. Несомненным фактом является то, что социальные отношения (общество) так же отражаются в социальном сознании, как и социальная деятельность. Следовательно, общество может характеризоваться и с этой стороны такими дисциплинами, как социология знания, социология образования, социальная философия. В методологическом аспекте подчеркнем и необходимость описания рефлектирующих систем, в которых самоорганизация происходит в пространстве поведенческих стратегий: «субъективной синергетики», или «синергетики-II» (В. И. Аршинов, Г. Г. Малинецкий) [5, с. 242–250]. Мы полагаем, что одним из направлений развития социосинергетики может стать синергетика социального сознания.

В качестве вывода можно отметить следующее: переосмысление феномена «общество» в контексте управления и самоорганизации, уточнения его новой роли в российском социуме выступает методологической необходимостью. Тем самым становится возможным и уточнение характеристик парадигмы управления, учитывающей нарастание рисков для российского социума в условиях глобали-

зации социального времени и пространства, всей общественной жизни современного мира.

Литература

1. Барулин В. С. Социально-философская антропология. М., 1994.
2. Иванов Д. В. Императив виртуализации: современные теории общественных изменений. СПб., 2002.
3. Карпичев В. С. Социум // Организация и самоорганизация социальных систем: словарь. М., 2004.
4. Крапивенский С. Э. Социокультурная детерминанта исторического процесса // Общественные науки и современность. 1997. № 4.
5. Куракин П. В., Малинецкий Г. Г. На пороге «субъективной» синергетики (синергетика-II) // Синергетика: труды семинара. Т. 3. М., 2000.
6. Морган Л. Г. Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л., 1934.
7. Немировский В. Г. Универсумная парадигма в российской социологии // Социология на пороге XXI века. М., 1999.
8. Осипов Г. В. Социальное мифотворчество и социальная практика. М., 2000.
9. Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени. М., 1997.

УДК 316.25; 316.33

А. Н. Волкова

Образовательная политика современного вуза в условиях глобализации

*A. N. Volkova. Educational policy of present day institution
of higher learning in globalization environment*

В статье автор рассматривает проблемы формирования эффективной образовательной политики современного вуза. Автор полагает, что политика современного вуза должна учитывать факторы рыночной конкуренции в сфере образовательных услуг, глобализации образования и необходимости формирования позитивного имиджа.

Ключевые слова: образовательная политика, глобализация в образовании, рынок образовательных услуг, имидж вуза

Контактные данные: 196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10; (812) 451-91-75; e-mail: pushkin@lengu.ru

In the article the author reviews issues of efficient educational policy creation in present day institution of higher learning. The author thinks that the policy of present day IHL should take into consideration factors of market competition in educational services sphere, educational globalization and the necessity to create positive image.

Key words: educational policy, educational globalization, educational services market, IHL image

Contact details: 196605, Saint-Petersburg, Pushkin, Peterburgskoye shosse, 10; (812) 451-91-75; e-mail: pushkin@lengu.ru

Антонина Никитична Волкова — профессор кафедры связей с общественностью и психологии массовых коммуникаций Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, доктор философских наук, доцент.

© А. Н. Волкова, 2010.

Современный вуз регионального или федерального значения представляет собой большое, сложное, полифункциональное учреждение с широким спектром функций и миссий. Учебная деятельность вуза, будучи системообразующей функцией любого образовательного учреждения, неразрывно связана с его коммерческой, научно-исследовательской, воспитательной, издательской, экспертной, координационной, функцией аудита и т. д. Спектр функций зависит от возможностей вуза, его профессорско-преподавательского состава, экономической базы и т. д. Вместе с тем следует отметить, что многогранность деятельности вуза сегодня — неотъемлемый атрибут конкурентоспособного учебного заведения.

Кроме обязательных учебно-образовательных функций, представленных в уставе вуза, он может добровольно принять на себя ряд миссий: социально значимых видов деятельности общественного, гражданского, культурного и иного значения. Например, таких функций, как культуuroохранная, пропагандистская, издательская, просветительская, селекционная, туристская, спортивно-массовая, архивная, выставочная и т. д. Миссия — это ставшая традицией общественная или коммерческая деятельность вуза, вошедшая в его имидж в глазах потребителей образовательных услуг и населения в целом. Наличие у вуза миссии также является необходимым атрибутом современного учебного заведения, придавая ему ореол солидности, преуспевания, особого вклада в жизнь региона, города, страны, общества в целом.

Полифункциональность вузовской деятельности и наличие у него собственной миссии является первым и важнейшим фактором, вызывающим необходимость выработки взвешенной образовательной политики. Под политикой будем понимать сформулированные коллективом вуза (преподаватели, студенты, учебно-вспомогательный персонал) и его администрацией приоритетные стратегические и тактические направления его деятельности. Другие факторы, вынуждающие вуз формулировать образовательную политику, мы видим в следующих обстоятельствах:

- особенности региона, на территории которого работает вуз, его демографические, социальные, культурные, производственные особенности;
- экономический потенциал вуза;
- конкуренция с другими вузами в области образовательных услуг;
- тенденции в развитии профессиональной подготовки по специальностям, осуществляемым вузом;
- состояние соответствующих профилю вуза областей науки и практики;
- состояние научно-производственной базы вуза;
- структура спроса на выпускников вузов в регионе;
- особенности профессорско-преподавательского состава вуза.

Отметим, что наличие ясной и взвешенной образовательной политики вуза сказывается на его живучести, престиже, месте на рынке образовательных услуг, научных достижениях и т. д.

Образовательная политика — не новое понятие для вузов, в том или ином виде она формулировалась всегда. Однако в современных условиях она заслуживает самого пристального внимания и тщательной проработки по ряду причин.

Во-первых, коммерциализация вузов, зависимость их экономического преуспевания от различных особенностей конкретного вуза. Во-вторых, конкурентность вузов в условиях их явной избыточности в Санкт-Петербурге и Москве. В-третьих, рост значения таких факторов, как внеучебная деятельность вуза, его престиж, миссия в обществе. В-четвертых, необходимость перестраивать деятельность вуза в связи с тенденциями глобализации общественной жизни. Остановимся на последнем факторе подробнее.

Глобализация — заметное явление современного общества. Она проявляется в различных сферах жизни общества: свобода в движении товара, капитала; свобода миграции и социальной динамики людей; слияние коммерческих структур в транснациональные объединения; унификация и стандартизация; уменьшение роли территориально-этнических образований и рост роли надгосударственных структур.

Можно выделить следующие аспекты глобализации:

- экономика (производство, потребление, движение капитала и рабочей силы). В этом аспекте появляются новые паттерны производства и торговли, инвестиций, предпринимательства;
- культура, обмен и взаимопроникновение. Культурологический аспект глобализации относится к антропологии и исследованиям культуры, в котором глобализация рассматривается как ряд культурных потоков, столкновений разных культур и культурная гибридизация;
- миграция населения и свобода выбора места жительства, самоопределения личности;
- становление информационного общества, унификация языка, появление международных языков (английский, испанский);
- взаимовлияние религий, создание межконфессиональных советов и союзов, единение церквей;
- смена ценностей и акцентов бытия, формирование идентичностей, определения и распределения знаний, утверждения ценностей и нормативных институтов, конструирования и восприятия символических форм;
- изменение типа личности, самосознания и человеческого идеала;
- социально-политический аспект, сосредоточенный на уменьшении роли национального государства и связанного с ним типа общества, развитие наднациональных образований.

Особенность современной волны глобализации в том, что она является многоаспектной, охватывает практически все стороны социальной жизни. В том числе она охватывает систему образования, изменяя весь институт образования и науки.

Глобализация в образовании, на наш взгляд, выражается в развитии ряда новых тенденций в обучении и воспитании. Отметим следующие проявления глобализации:

1. Ориентация на общие для европейских стран стандарты образования (Болонский процесс), унификация образовательного стандарта.
2. Стандартизация образовательных программ, обеспечивающая личности возможность продолжать прерванное образование в различных вузах внутри страны и за рубежом.
3. Развитие сети надрегиональных и наднациональных вузов с представительствами в разных регионах и странах.
4. Появление новых универсальных профессий на стыке старых, узколокальных, позволяющих специалисту мобильность в профессии.
5. Многоступенчатость образования, обеспечивающая личности его преемственность, выбор любого уровня в специальности и любой специализации.
6. Международный обмен и контакты специалистов: студентов, аспирантов, преподавателей.
7. Укрепление позиций международных языков общения и обучения (английский, испанский).
8. Свободное движение идей в едином информационном пространстве благодаря изданиям любой литературы и услуг Интернета.

9. Развитие альтернативного образования, появление негосударственных вузов.

10. Сотрудничество вузов в рамках творческих и коммерческих договоров.

Надо отметить, что глобализация в образовании гораздо меньше осмысливается и обсуждается, львиная доля соответствующей литературы посвящена экономическим и политическим аспектам глобализации. Вместе с тем именно в системе образования осуществляется становление нового мышления, не скованного местническими представлениями, не ограниченного узкими рамками отдельных наук или отраслей. Глобализация востребует новых людей, с более широким кругозором и универсальностью их жизненных ориентиров. Кроме того, глобализация ставит вузы в другие условия деятельности, создает им иные цели и приоритеты, которые следует учитывать при разработке образовательной политики.

В условиях рыночной экономики жизнеспособными оказываются только конкурентоспособные учреждения. Конкурентоспособное образовательное учреждение — это учреждение, которое обеспечивает устойчивый уровень качества образовательных услуг. Когда образовательное учреждение предлагает образовательные услуги и обеспечивает устойчивый уровень их качества, то оно начинает работать над созданием собственного имиджа.

Идея о связи имиджа организации с ее конкурентоспособностью не является новой. Научные исследования свидетельствуют, что главной функцией имиджа является формирование положительного отношения к кому-либо или чему-либо. Если положительное отношение сформировано, то за ним, как результат влияния социальных связей, обязательно последуют доверие и, в свою очередь, высокие оценки и уверенный выбор. Такова психологическая цепочка, порождаемая положительным отношением. К тому же положительный имидж, как правило, способствует повышению престижа, следовательно, авторитета и влияния. Позитивный имидж является также важным фактором высокого рейтинга, что очень важно в насыщенной разнообразной информации публичной деятельности.

Следует отметить, что положительный имидж формируется только на основе устойчивой качественной образовательной услуги. Определение качества услуги в образовательной системе является проблемой, требующей привлечения системы экспертных оценок данных. Однако прежде чем говорить об имидже образовательного учреждения, необходимо уточнить смысл понятия «имидж».

Понятие «имидж» чаще всего трактуется как целенаправленно формируемый образ, призванный оказать эмоционально-психологическое воздействие на кого-либо в целях популяризации, рекламы и т. п. [7].

Отметим, что уже существуют попытки создать целостную систему образовательной политики вуза через разработку его имиджа [1; 3, с. 6; 4–5].

Под имиджем образовательного учреждения понимают сложившийся в массовом сознании эмоционально окрашенный образ, определяемый соотношением между различными сторонами его деятельности и транслируемый во внешнюю среду.

В статье М. С. Пискунова, подробно характеризующего структуру и механизмы формирования имиджа образовательного учреждения, указано: «Можно встретить и такое определение: имидж общеобразовательного учреждения — это эмоционально окрашенный образ школы, часто сознательно сформированный, обладающий целенаправленно заданными характеристиками, призванный оказывать психологическое влияние определенной направленности на конкретные группы социума» [7, с. 44].

Автор-составитель книги «Имиджелогия» В. М. Шепель к основным характеристикам имиджа образовательного учреждения относит в первую очередь образ руководителя (его способности, установки, ценности, социально-психологические характеристики, внешний вид), затем образ персонала образовательного учреждения (социальные данные, культура, профессиональная компетентность, личностные характеристики и т. д.), кроме того, уделяется внимание представлению социального окружения о качестве образования, стиле учебного заведения, уровне комфортности среды образовательного учреждения, цене образовательных услуг и внешней атрибутике [9].

Как утверждает в статье И. Р. Лазаренко, проблема представления образовательного учреждения как открытой социально-педагогической системы (создание имиджа) существовала всегда, но в современных социокультурных условиях она проявляется особенно отчетливо. Связано это как с процессами становления и развития различных типов и видов образовательных учреждений, с сокращением численности учащихся, так и с отсутствием понимания целей, содержания, педагогических инноваций со стороны родителей [6].

Говоря об имидже, необходимо иметь в виду, что у него всегда есть две стороны — одна определяет отношение к нему внешних аудиторий, которым собственно адресован данный имидж, и другая — данный имидж в представлении самого носителя имиджа, а именно учебного заведения. Из сказанного логично следуют два вывода. Первый вывод, если мнения сторон совпадают — эффект (общественный и коммерческий) получается положительным, если существует диссонанс между мнениями, желаемый результат не достигается. Вывод второй, профессиональный подход к формированию желаемого имиджа учебным заведением должен строиться на полномасштабном и всестороннем изучении аудитории, которой данный имидж адресован.

С понятием имиджа тесно связана и репутация образовательного учреждения, которая складывается из нескольких составляющих и которая удерживается в массовом сознании долгие годы. Отличие имиджа от репутации, на наш взгляд, заключается именно в том, что репутация является итогом построения имиджа.

Бесспорно, что качество имиджа — это не только психологический аванс, но и вполне внятные материальные инвестиции, которые учебное заведение может получить в перспективе.

Можно выделить постоянные и переменные слагаемые позитивного имиджа образовательного учреждения.

К числу постоянных имиджа относятся:

- четкое определение педагогическим коллективом миссии и концепции образовательного учреждения;
- оптимистичный настрой и доброжелательный микроклимат в учительском и ученическом коллективах;
- педагогическая, социальная и управленческая компетентность сотрудников;
- сформированный образ руководителя-профессионала, лидера, личности яркой, увлеченной, обладающей неформальным авторитетом, способной вдохновить коллектив на достижение высокой цели;
- эффективная организационная культура образовательного учреждения, включающая разделяемые всеми нормы, ценности, философию управления, весь спектр взглядов, отношений, определяющих специфику поведения коллектива в целом;
- качество образовательных услуг;

- наличие и функционирование детских общественных организаций;
- связи образовательного учреждения с различными социальными институтами, высшими учебными заведениями и т. д.;
- уклад образовательного учреждения в развитие образовательной подготовки учащихся, их воспитанности, психических функций, творческих способностей, формирование здорового образа жизни;
- забота администрации об оказании своевременной актуальной психологической помощи отдельным участникам образовательного процесса (тем или иным ученикам, молодым специалистам, испытывающим затруднения родителям и пр.);
- наличие яркой внешней символики.

К числу переменных имиджа можно отнести:

- содержание миссии и приоритеты образовательного учреждения;
- виды образовательных услуг;
- материальную базу образовательного учреждения.

Следовательно, при работе над созданием устойчивого позитивного имиджа образовательного учреждения необходимо первостепенное значение придавать прежде всего неизменным и постоянным компонентам. На наш взгляд, с позиции управления образовательным учреждением выявленные составляющие условно можно сгруппировать в следующие блоки:

- комфортность среды образовательного учреждения (оптимизм и доброжелательность в коллективе, своевременная психологическая помощь отдельным участникам образовательного процесса и пр.);
- качество образовательных услуг (вклад учебного заведения в развитие образовательной подготовки учащихся, их воспитанности, психических функций, творческих способностей, формирование здорового образа жизни; ясное видение целей образования и воспитания, сформулированное в миссии образовательного учреждения, и т. д.);
- позитивно воспринимаемый стиль образовательного учреждения (эффективная организационная культура школы; наличие и функционирование детских общественных организаций и т. д.);
- позитивный образ руководителя и персонала образовательного учреждения (педагогическая, социальная и управленческая компетентность сотрудников);
- яркая внешняя атрибутика (наличие внешней символики, ритуалов и пр.).

Имидж всегда направлен на стимулирование положительных эмоций и их проецирование, на те услуги, которые оказывает образовательное учреждение. Имидж, как правило, является средством воздействия на общественное мнение. Так как результат обучения зачастую отдален во времени и может не осознаваться самим обучающимся, то необходимо учитывать такие особенности имиджа, как универсальность и уникальность. Универсальность может выражаться прежде всего как в унификации научных подходов, понятий, принципов и факторов, так и в стандартизации требований, показателей качества, использовании технологий и методов обучения. Уникальность в данном случае проявляется в выборе образовательных учреждений, специализаций, востребованных на рынке труда и повышающих конкурентоспособность специалиста.

Таким образом, формирование оптимальной образовательной политики современного вуза зависит от учета рыночных условий, возможностей вуза, его включенности в глобальное взаимодействие с обществом и другими образовательными учреждениями, тщательно проработанного имиджа, и как итог — репутации вуза.

Литература

1. Аликперов И. Формирование имиджа образовательного учреждения: западный и российский варианты // Международные отношения в развитии социально-экономических процессов в странах СНГ: материалы Международной научно-практической конференции 14–15 июня 2001 г., г. Омск. Омск, 2001. URL: <http://www.prof.msu.ru/publ/omsk/53.htm> (дата обращения: 12.01.2007).
2. Варданян М. А. Имидж педагога с позиции сбережения здоровья субъектов образовательного процесса // PR в образовании. 2006. № 3.
3. Вифлеемский А. PR-технология в образовании // Управление школой. 2003. № 22.
4. Зуева Е. И. Подходы к формированию имиджа образовательного учреждения // Сборник статей IV Международной научно-теоретической конференции «Образование и наука в третьем тысячелетии» // Алтайский экономико-юридический институт. URL: <http://aeli.altai.ru/nauka/sbornik/2002/zueva.html> (дата обращения: 25.04.2002).
5. Карпов Е. Б. Имидж в образовании // PR в образовании. 2003. № 6.
6. Лазаренко И. Р. Формирование имиджа образовательного учреждения как управленческое новшество // Педагог. 2000. № 9. URL: http://www.informika.ru/text/magaz/pedagog/pedagog_9/stat8.html (дата обращения: 12.01.2007).
7. Пискунов М. С. Имидж образовательного учреждения: структура и механизмы формирования // Стандарты и мониторинг в образовании. 1999. № 5.
8. Черепанова В. Н. Формирование индивидуального имиджа педагога как средство реализации гуманистической концепции образования: дис. ... канд. пед. наук. Тобольск, 1998.
9. Шепель В. М. Имиджелогия: секреты личного обаяния. М., 1997.

УДК 316

С. Ю. Кириллов

Сущность и предмет социального прогнозирования

S. Yu. Kirillov. Nature and subject of social forecasting

Статья посвящена раскрытию сути понятия и предмета социального прогнозирования. В статье приведена наиболее частотная типология социальных прогнозов.

Ключевые слова: социальное прогнозирование, поисковый прогноз, нормативный прогноз

Контактные данные: 191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48, корп. 20; (812) 312-99-10; e-mail: staskirillov@yandex.ru

The article is devoted to the discovery of the nature and subject of social forecasting. The article presents the most wide-spread typology of social forecasting.

Key words: social forecasting, exploratory forecast, normative forecast

Contact details: 191186, Saint-Petersburg, nab. reki Moiki, 48, bldg. 20; (812) 312-99-10; e-mail: staskirillov@yandex.ru

В XX в. человечество столкнулось с большим количеством глобальных проблем, среди которых можно выделить гонку вооружений, увеличивающийся разрыв между развитыми и развивающимися странами, экологическую проблему. XXI век принес еще более серьезный спектр проблем, требующих незамедлительного решения: восстановление глобального топливно-энергетического и материально-сырьевого

Станислав Юрьевич Кириллов — доцент кафедры истории и теории социологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, кандидат социологических наук.

© С. Ю. Кириллов, 2010.

баланса, демографического баланса, экологического баланса, обеспечение духовного и нравственного баланса в жизни человека.

В этой связи социологии необходим инструментарий, чтобы попытаться предвидеть развитие назревающих глобальных проблем и спрогнозировать пути управления ими.

Если ведется речь о предвидении, то оно имеет предсказательную (описательную) форму и форму, которую можно отнести к категории управления — пред-указательную. Предсказание — это описание возможных или желательных перспектив решения проблем будущего. Предуказание — это решение этих проблем с использованием информации о будущем для целенаправленной деятельности личности и общества. Эта целенаправленная деятельность выступает в форме целеполагания, планирования, проектирования, текущих управленческих решений. Следует отметить, что предсказание и предуказание тесно связаны между собой. Важнейшие способы научного обоснования предуказаний — описание (анализ), объяснение (диагноз) и предсказание (прогноз) — составляют три основные функции каждой научной дисциплины.

Типология прогнозов

Типология прогнозов может строиться по различным критериям в зависимости от целей, задач, объектов прогнозирования. Важно ответить на вопрос: для чего разрабатывается прогноз? Исходя из этого, можно выделить два типа прогнозов: поисковые (исследовательские) и нормативные (целевые; табл. 1).

Таблица 1

Классификация прогнозов по целям

Цель поискового прогноза	Цель нормативного прогноза
<p>Определения возможных состояний процессов/явлений в будущем. То есть экстраполяция изучаемого процесса/явления в будущее. Важно отметить, что необходимым условием здесь является сохранение существующих тенденций. Поисковый прогноз строится на определенном поле возможностей, на котором ученые пытаются установить степень вероятности прогнозируемого явления</p>	<p>Определение путей и сроков достижения возможных состояний процессов/явлений, принимаемых в качестве целевых. В таком случае у ученых есть заранее заданные цели, и они должны ответить на вопрос о путях достижения данных целей. В нормативном прогнозе происходит распределение в обратном, относительно поискового прогноза, порядке: от заданного состояния к наблюдаемым тенденциям</p>

Классификация прогнозов также может быть предложена по следующим критериям:

1. По критерию соотношения с различными формами конкретизации управления.

Целевой прогноз отвечает на вопрос: что именно желательно и почему? Плановый прогноз отвечает на вопрос: как, в каком направлении ориентировать планирование, чтобы эффективнее достичь поставленных целей? Программный прогноз отвечает на вопрос: что конкретно необходимо, чтобы достичь желаемого? Проектный прогноз отвечает на вопрос: как это возможно, как это может выглядеть? Организационный прогноз отвечает на вопрос: в каком направлении ориентировать решения, чтобы достичь цели?

2. Время.

Различаются оперативные, кратко-, средне-, долго- и дальнесрочные прогнозы. Оперативный прогноз, рассчитан на перспективу, когда не ожидается существенных

изменений объекта исследования — ни количественных, ни качественных. Краткосрочный прогноз рассчитан на перспективу только количественных изменений, долгосрочный прогноз рассчитан на перспективу не только количественных, но преимущественно качественных изменений. Среднесрочный прогноз охватывает перспективу между кратко- и долгосрочным с преобладанием количественных изменений над качественными, дальнесрочный прогноз рассчитан на перспективу, когда ожидаются столь значительные качественные изменения, что по существу можно говорить лишь о самых общих перспективах развития природы и общества.

3. Объект.

Объектом исследования могут выступать естественноведческие, научно-технические и обществоведческие прогнозы. Естественноведческие прогнозы характеризуются минимальной взаимосвязью между предсказанием и преуказанием. Это происходит потому, что отсутствует возможность управления объектом, в таком случае возможно только поисковое прогнозирование с ориентацией на возможно более точное безусловное предсказание будущего состояния явления. Научно-технические прогнозы характеризуются промежуточным положением между естественноведческими и обществоведческими прогнозами.

Обществоведческие прогнозы характеризуются сильной взаимосвязью между предсказанием и преуказанием. Таким образом, здесь необходимо сочетание поисковых и нормативных разработок, а именно условные предсказания с ориентацией на повышение эффективности управления. На практике ни один из них в «чистом» виде не существует, так как обычно прогноз разрабатывается в рамках определенной группировки прогнозов в зависимости от цели исследования. Так как трудно определить перспективы развития экономики или культуры, не зная перспектив развития науки, техники, образования. Для каждого прогноза желательно привлекать возможно больше данных по смежным направлениям.

При прочих равных условиях степень достоверности прогноза всегда прямо пропорциональна степени полноты используемого материала по другим отраслям, степени полноты целевой группировки. Целевая группировка складывается из профильного и вспомогательного направлений. Ведущее направление целевой группировки образует профиль прогноза, который является предметом исследования. Вспомогательные направления составляют прогнозный фон — совокупность внешних по отношению к объекту прогнозирования условий, существенных для решения задачи прогноза. Стандартный прогнозный фон разделяется на научно-технический, демографический, экономический, социологический, социокультурный, организационно-политический, международный.

Предметом прогностики является исследование законов и способов прогнозирования, а ее главной задачей — разработка специальных методологических проблем прогнозирования с целью повышения обоснованности прогнозов. Прогностика находится только в начале своего развития и существует масса спекуляций относительно специфичности проблематики прогнозирования. Многие используют термин «футурология». Есть несколько смыслов термина «футурология»:

- 1) комплекс социального прогнозирования (основной смысл);
- 2) «наука о будущем», предметом исследования которой является перспектива развития социальных явлений;
- 3) «философия будущего», которая противостоит концепциям прошлого.

Инструментарий прогнозирования

Источники информации о будущем:

- аналогия с известными и сходными процессами, в результате чего происходит оценка перспектив развития;

- экстраполяция тенденций, развитие которых в прошлом и настоящем хорошо известны;
- моделирование условий в соответствии с желаемыми изменениями, закономерности, развития которых известны.

Способы разработки прогнозов:

- анкетирование экспертов с целью упорядочить оценки прогнозного характера;
- экстраполирование построения динамических рядов развития показателей прогнозируемого явления на протяжении периодов основания прогноза в прошлом и упреждения прогноза в будущем;
- моделирование построения моделей с учетом вероятного или желательного изменения прогнозируемого явления.

На практике эти способы взаимно перекрещиваются и дополняют друг друга, т. е. прогнозная оценка обязательно включает в себя элементы экстраполяции и моделирования.

Этапы разработки прогнозов

1. Уточнение задания на прогноз, формулирование целей и задач, предмета, проблемы и рабочих гипотез, определение методов, структуры и организации исследования.
2. Построение базовой модели прогнозируемого объекта методами системного анализа, сбор данных прогнозного фона методами, о которых говорилось выше, построение динамических рядов показателей.
3. Построение предварительных поисковых моделей методами поискового анализа профильных и фоновых показателей.
4. Построение нормативных моделей методами нормативного анализа.
5. Оценка достоверности и обоснованности прогноза.
6. Выработка рекомендаций для решений в сфере управления на основе сопоставления поисковых и нормативных моделей.
7. Экспертиза прогноза и рекомендаций, их доработка, снова предпрогнозная ориентация на основе сопоставления материалов уже разработанного прогноза с новыми данными прогнозного фона и новый цикл исследования.

Допущения:

- эффективность прогнозов должна восприниматься не только как достоверность, но и как степень влияния на эффективность разработанных на его основе решений;
- обоснованность прогнозов: в прогнозировании помимо абсолютной верификации, т. е. эмпирического подтверждения или отрицания правильности гипотезы, существует относительная (предварительная) верификация, которая позволяет развивать научное исследование и практически использовать его результат до наступления возможности абсолютной верификации.

Поисковый прогноз

Задача поискового прогноза — выявление проблем, подлежащих решению средствами управления. Поисковый прогноз выглядит как условное продолжение в будущее тенденций развития изучаемых явлений, закономерности развития которых в прошлом и настоящем достаточно хорошо известны.

Цель прогнозного поиска в выяснении того, что реально произойдет при сохранении существующих тенденций развития.

И. В. Бестужев-Лада и Г. А. Наместникова в работе «Социальное прогнозирование. Курс лекций» в лекции 12 «Поисковый прогноз» выделяют в поисковом прогнозе четыре основные компоненты:

«1) данные прямой экстраполяции динамических рядов исходной модели, служащие первоначальным ориентиром дальнейших прогнозных построений;

2) верхняя экстрема прогнозного поиска: результат сопоставления данных первой поисковой модели с данными прогнозного фона. Позволяет определить максимальное отклонение тренда в сторону области нереального;

3) нижняя экстрема прогнозного поиска: вычисляется теми же способами, что и верхняя. Определяют максимально возможное отклонение тренда до предела, за которым начинается область катастрофического;

4) наиболее вероятный тренд (экстраполированная в будущее тенденция) между верхней и нижней экстремами с учетом данных прогнозного фона».

Таким образом, основное в поисковом прогнозе — это выявление ожидаемого проблемного состояния, перспективных проблем.

Процедура построения поисковой прогностической модели

Данная процедура состоит из изучения и затем формализации качественно-количественных оценок перспектив развития проблемной ситуации. Основные характеристики:

- проблема как разрыв между действительным и желательным;
- проблемное состояние, когда осознается необходимость существенных изменений, чтобы сблизить желательное и действительное состояния;
- проблемная ситуация как совокупность проблемных состояний, при котором указанная необходимость выступает как внешний императивный комплекс для личности, группы или общества, как социальное явление.

Проблемная ситуация — это разрыв между действительным и желательным, несовместимый с нормальным развитием функционирования социального объекта. Если происходит своевременное вмешательство сферы социального управления, то процесс назревания прерывается и ситуация возвращается, точнее, превращается вновь в нормальную. Неэффективность сферы управления при полностью назревавшей проблемной ситуации неизбежно переводит последнюю на следующий уровень: начинает назревать критическая ситуация. Если нормализации и дальше не происходит, начинается следующая и последняя стадия: назревание катастрофической ситуации. Наступление катастрофической ситуации означает распад социального объекта с превращением его в качественно иное состояние.

Решить проблему — значит выйти на уровень новых проблем, разрешение которых обуславливает дальнейший прогресс человечества.

Особенности социальных проблем:

- 1) проблему нужно всегда рассматривать в определенной контекстной обстановке;
- 2) решение социальной проблемы обусловлено социальной целью;
- 3) решение проблемы одного уровня вызывает появление сложных проблем более высокого уровня.

Компоненты механизма генезиса социальной проблемы:

- 1) социально-экономическая обстановка, существовавшая, когда социальные проблемы были существенно иными;
- 2) социальные институты, созданные в реальных условиях для решения проблем;
- 3) возникновение новой социально-экономической обстановки;

- 4) растущая неадекватность старых институтов новой обстановке;
- 5) осознание необходимости создания новых институтов для решения назревающих проблем.

Можно выделить наиболее важные для проведения поискового прогностического исследования группы проблем (И. В. Бестужев-Лада и Г. А. Наместникова в работе «Социальное прогнозирование. Курс лекций», лекция 12 «Поисковый прогноз»; табл. 2):

Таблица 2

Типы социальных проблем

Критерий выделения проблемы	Тип проблемы
Объект исследования	Социально-культурные, социально-образовательные, социально-этнические, социально-правовые, социально-политические и т. п.
Масштабный фактор (пространственный признак) и т. п.	Глобальные, региональные, локальные и т. п.
Отношение к социальным ценностям общества (признак рациональности)	Проблемы и псевдопроблемы
Фактор длительности (временной признак)	Текущие и перспективные
Степень настоятельности (признак интенсивности)	Первостепенные и второстепенные
Время возникновения	Традиционные и новые
Характер проявления (мотивационный признак)	Непосредственные и опосредованные другими проблемами
Отношение к социальному окружению (референтный признак)	Самодовлеющие и привходящие
Степень сложности (структурный признак)	Простые (элементарные) и сложные
Ценностная ориентация	Более высокие и более низкие
Роль в системе проблем	Ключевые и производные разных порядков
Характер проявления порядков	Неслучайные (циклические) и случайные (спорадические)

Проблемы глобальные, региональные и локальные. Их интерпретация в поисковом прогнозе зависит от того, какой пространственный масштаб исследуется. Если рассматриваются общемировые социальные проблемы, «глобальным» будет именно общемировой уровень, т. е. проблемы, актуальные для всего человечества в целом. «Региональным» здесь будет крупный социально-экономический регион мира (например, Латинская Америка) или достаточно крупное государство (с соответствующими оговорками в каждом конкретном случае). «Локальное» же будет относиться к отдельному государству, отдельному району крупных государств (тоже с оговорками).

При анализе проблем, характерных для отдельных мировых социальных систем, понятие «глобальное» относится к ним, а понятия «региональное» и «локальное» опускаются на уровень ниже, до масштабов отдельных государств и их отдельных районов.

Если же исследуются социальные проблемы какой-либо отдельной страны, понятие «глобальное» относится к ней в целом, понятие «региональное» более четко соотносится с тем или иным районом страны, а понятие «локальное» — с отдельными населенными пунктами.

Проблемы традиционные и новые. Традиционные — те, которые в том или ином виде сохранились со времени предшествующей социально-экономической обстановки и требуют дополнительных усилий для своего разрешения. Новые — возникшие при изменившейся социально-экономической обстановке; по ним еще не предпринималось попыток разрешения; они, как правило, требуют эвристического, принципиально нового подхода к разрешению.

Проблемы текущие и перспективные (наиболее важные для поискового социального прогнозирования). В широком плане текущие проблемы — те, которые успешно разрешаются в настоящее время или имеют тенденцию к скорой самоликвидации, перспективные — разрешение которых предполагает более или менее длительные дополнительные усилия в будущем. В более узком и строгом смысле перспективными считаются те проблемы, которые имеют тенденцию к назреванию в долгосрочной перспективе порядка нескольких ближайших десятилетий и требуют качественно нового подхода к своему разрешению, тогда все прочие относят к разряду текущих».

«Дерево проблем» строится как бы «снизу вверх»:

- определяется одна или несколько ключевых проблем;
- выделяются проблемы еще более конкретного порядка для обеспечения решения проблем следующего уровня и т. д.;
- определяются максимально детализированные частные проблемы, решение которых приводит к достижению целей того же максимально детализированного уровня.

Методика определения путей решения социальных проблем.

1. Нельзя рассматривать социальную проблему изолированно, она должна быть рассмотрена в контексте системы общих социальных проблем.
2. Прежде чем решать частные социальные проблемы, нужно решить ключевые социальные проблемы.
3. Ориентировать таким образом цели и задачи, рабочие гипотезы и структуру, время основания и упреждения, методы и организацию прогноза, чтобы прояснить не только процесс назревания проблемы при различных условиях его протекания и даже не только альтернативные возможности ее решения, но желательны и последствия основных вариантов решения, причем не только непосредственных, а и второго, третьего и т. д. порядков.

Операции при разработке поискового прогноза.

Можно выделить следующие операции (И. В. Бестужев-Лада и Г. А. Наместникова в работе «Социальное прогнозирование. Курс лекций», лекция 12 «Поисковый прогноз»):

1. Прямая (механическая) экстраполяция динамических рядов исходной модели на период упреждения прогноза с целью создать ориентирующую основу для последующих операций методами трендового моделирования и сведения их в систему первой (основной) поисковой модели.
2. Вычисление так называемой верхней экстремы прогнозного поиска: сопоставление данных первой поисковой модели с данными прогнозного фона и определение таким путем максимально возможных отклонений тренда до условного рубежа, за которым начинается область заведомо нереального, фантастического. Здесь, как и в дальнейшем, уже не обойтись трендовыми моделями, требуется расширение аппарата моделирования (формализованные сценарии, матрицы, графы, сетевые и имитационные модели и пр.). Полученные результаты сводятся в систему второй поисковой модели прогноза.

3. Вычисление нижней экстремы прогнозного поиска теми же способами с определением максимально возможных отклонений тренда до противоположного условного рубежа, за которым начинается область заведомо катастрофического (например, истощение ресурсов, нехватка средств, депопуляция и пр.). Результат — третья поисковая модель прогноза.
4. Вычисление наиболее вероятного тренда между верхней и нижней экстремами на основе углубленного анализа данных прогнозного фона теми же способами, что и при вычислении верхней и нижней экстрем. Результат — четвертая (заключительная) поисковая модель прогноза, которая представляется обычно в виде «дерева социальных проблем», подлежащих решению.
5. Обсуждение всех четырех или хотя бы заключительной поисковой модели путем опроса экспертов (желательно с учетом психологии экспертов, с обращением к дельфийской технике заочного коллективного опроса и лишь в случае острой нехватки времени и средств — к очному опросу, гораздо менее эффективному в данном случае; индивидуальные экспертные оценки, даже очные, сопряжены с повышенным риском односторонности, неадекватности экспертизы).
6. Доработка поисковых моделей прогноза на основе обсуждения и сведение их в единую систему. Методологически недопустима подмена такой системы любой из поисковых моделей — даже заключительной, так как для нужд управления чрезвычайно важно иметь представление не об одном тренде (как бы основательно он не был рассчитан), а обо всем «веере трендов», охватывающем область реально возможного и позволяющем заранее принимать во внимание различные отклонения от наиболее вероятного тренда».

Для иллюстрации приведем поисковый прогноз, опубликованный в электронной версии бюллетеня «Население и общество» Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН № 135–136 от 17–30 ноября 2003 г., URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0135/rossia01.php>:

«Численность россиян радикально сократится к середине XXI века

По прогнозу ООН, общая численность населения России в 2050 году будет находиться в интервале от 71 до 127 миллионов человек.

Об этом говорится в докладе о развитии человеческого потенциала в РФ в 2002–2003 годах, презентация которого состоялась в Москве.

Согласно прогнозу, вероятность сохранения современной численности населения страны практически равна нулю. И с вероятностью 58 % к середине века она окажется ниже 102,1 миллиона человек. Такой же, как отмечено в докладе, численность россиян была и в 1950 году.

По прогнозу ООН, к 2050 году число жителей России сократится на 28,3 %. Быстрее, чем в России, население будет уменьшаться, например, на Украине — на 39,6 %, в Болгарии — на 43 % и в Эстонии — на 46,1 % (кстати, именно Эстония является мировым лидером по сокращению населения), говорится в докладе.

При этом отмечено, что Россия не единственная страна, население которой в первой половине XXI века будет убывать. Из 228 различных стран и территорий мира убыль населения ожидается в 41 государстве, куда входит большинство европейских стран.

Рост численности населения ожидается только в восьми европейских государствах, таких как Албания, Исландия, Ирландия, Кипр, Люксембург, Норвегия, Турция и Франция.

В докладе также говорится, что во всех европейских странах, кроме Албании, Турции и, возможно, Ирландии, ожидаемый уровень рождаемости столь низок, что не обеспечивает роста численности населения. То же самое касается и США, где ожидаемый рост населения за 50 лет на 40,2 % станет следствием интенсивной иммиграции.

Что касается России, то здесь, по прогнозу ООН, уровень иммиграции в ближайшие полвека будет довольно низок: миграционный прирост составит всего 50 тыс. человек в год (это меньше, чем по большинству других национальных прогнозов)».

Нормативный прогноз

Нормативный прогноз проводится непосредственно за поисковым прогнозом. Процедура нормативного прогноза состоит из следующих операций:

- определение абсолютного и относительного оптимумов по предварительно разработанным и заданным критериям и построение соответствующих нормативных прогнозных моделей;
- обсуждение построенных моделей методами опроса экспертов;
- доработка моделей.

В нормативном прогнозе основу исследования составляет оптимизация результата (выбор наилучшего из возможных). Нормативное прогностическое исследование начинается с целеполагания. Цель может быть поставлена двумя способами: абстрагируясь от ограничений прогнозного фона или в соответствии с этими ограничениями. При нормативном прогнозе путем целеполагания задается «дерево целей», где вершина — идеал, средние уровни — разные стороны оптимума, нижний уровень — решение конкретных проблем. Цель в нормативном прогнозировании — это предвосхищение не любого результата, а идеально предполагаемого, желаемого, отбор желательных из множества других возможных результатов путем решения на основе предварительных сравнений и оценок. Основным методологическим тезисом нормативного прогнозирования является утверждение, что целеполагание — не предсказание, а решение. Цель не может существовать без ценностей, потребностей, интересов, мотивов, ориентации, установки. Так же как деятельность не существует без цели.

Классификация целей проводится по множеству критериев, особо важными из которых являются:

- перспективность;
- финальность;
- характер проявления (цель как средство и самоцель);
- предназначение (функциональное и предметное).

Процесс выработки целевых решений выглядит следующим образом:

- целевое решение может вырабатываться только при условии целесообразности данного процесса или явления;
- целенаправленность и целеустремленность самого субъекта деятельности;
- процесс выработки целевого решения осуществляется путем признания и осознания соответствующей потребности, а также целей и путей ее удовлетворения;
- процесс целеобразования завершается собственно целевыми решениями целепостановкой или целеполаганием;
- ключевой элемент целеполагания — выбор цели, или целевое решение, которое во многом зависит от свободы выбора;

- основа целеполагания — диалектическое взаимоотношение категорий «цель», «средство», «результат». Цель недостижима без средств к ее осуществлению;
- необходимость соподчинения целей в целеполагании требует решения вопроса о принципах систематизации, необходима их классификация и типологизация.

Существуют три класса целей: «цель-идеал», «цель-оптимум», «цель-норма». Сами по себе ни идеал, ни оптимум, ни норма к цели не сводятся.

Социальный идеал — это особый специфический способ познания и освоения действительности, особое функциональное состояние общественного сознания, которое концентрированно отражает в образе желательного будущего потребности дальнейшего развития, одна из форм опережающего отражения действительности человеческим сознанием, система представлений о совершенном общественном устройстве, совокупность высших ценностей в той или иной мировоззренческой системе.

Оптимум — совокупность наиболее благоприятных условий, наилучший из возможных вариантов решения задачи или путей достижения цели.

Норма — особая разновидность шаблона — стереотипа сознания и поведения, обязательный для всех стандарт, образец, пример, модель, служащий единицей отсчета для сравнения, определения уровня развития или достижения.

Целевая ситуация — объект исследования нормативного прогноза — это определенная совокупность целевых состояний, возможные пути достижения которых составляют предмет исследования, т. е. анализа, диагноза и прогноза. Для нормативного прогнозирования основное значение приобретают методы схематического моделирования (сценарного, матричного, сетевого, аналогового, игрового, морфологического и др.), а также опросы экспертов.

Объект нормативного прогнозирования представляется в виде системы показателей, по каждому из которых можно строить динамические ряды индикаторов (переменных, характеристик, конкретных данных).

В нормативном прогнозировании ведется исследование не перспективных социальных проблем, а перспективных социальных целей.

Три основных вида целевых ситуаций:

- 1) идеальная ситуация (ей соответствует «идеализация»);
- 2) оптимальная ситуация (ей соответствует «оптимизация»);
- 3) нормативная ситуация (ей соответствует «нормализация»).

Этапы операций нормативного прогноза:

1. Создание ориентира для последующей нормативной разработки, без учета прогнозного фона.
2. Выявление критериев оптимума прогнозного фона с учетом особенностей предмета исследования.
3. Определение оптимума с учетом ограничений прогнозного срока.
4. Обсуждение нормативной модели, если нужно — опрос населения с целью проверки степени объективности экспертных оценок.
5. Доработка нормативных моделей прогноза на основе предыдущих обсуждений.
6. Верификация прогноза.

Процедура верификации желательна и обязательна и происходит по одному из восьми видов верификации, многократно описанных в литературе (например, в работе И. В. Бестужев-Лады и Г. А. Наместниковой «Социальное прогнозирование. Курс лекций», глава 13 «Нормативный прогноз. Верификация прогноза. Выработка рекомендаций для управления»):

- разработка прогноза методом, отличным от первоначально использованного;
 - сопоставление прогноза с другими, полученными из иных источников информации;
 - проверка адекватного прогноза на ретроспективном периоде;
 - аналитическое или логическое выведение параллельного прогноза из заранее полученных прогнозов;
 - дополнительный опрос экспертов;
 - опровержение критических замечаний оппонентов;
 - выявление и учет источников возможных ошибок;
 - сравнение с мнением, признанным наиболее компетентным.
7. Последовательность операций по разработке рекомендаций для управления:
- составление предварительных рекомендаций силами исследовательской группы;
 - обсуждение составленных рекомендаций экспертами;
 - составление поствероятностного сценария в случае реализации предложенных рекомендаций с обязательным указанием не только позитивных, но и возможных негативных последствий такой реализации;
 - написание предварительного отчета об исследовании;
 - обсуждение представленного экспертами отчета;
 - доработка отчета на основе обсуждения и сдача отчета заказчику.

Для иллюстрации можно привести прогноз, который был опубликован в электронной версии бюллетеня «Население и общество» Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН № 6 от 5–11 февраля 2001 г., URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/006/tema01.php>:

«От чего зависит рост населения?»

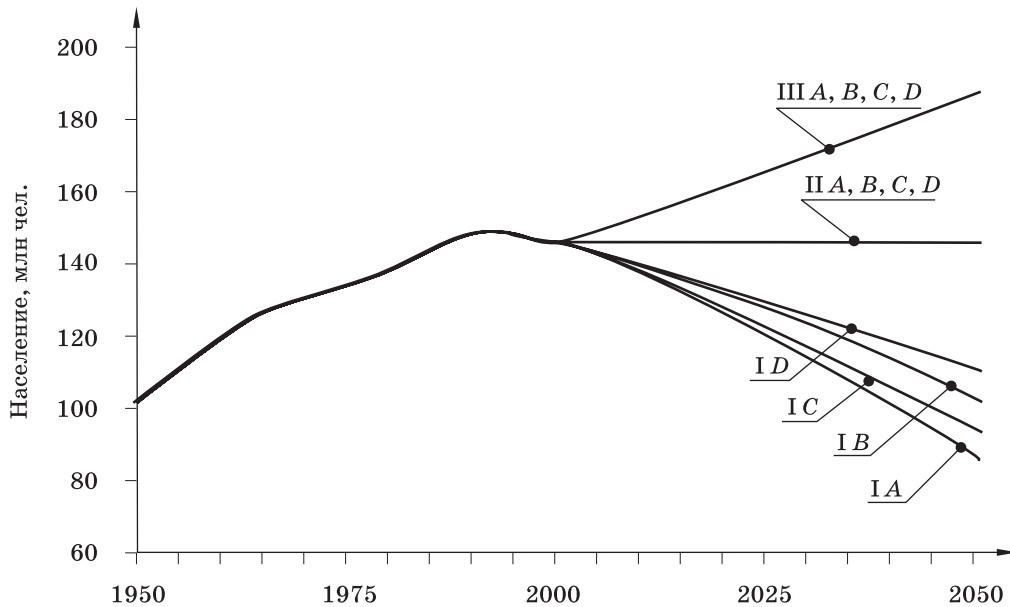
На протяжении нескольких десятилетий после Второй мировой войны население России непрерывно росло. В 1955 году была восстановлена его довоенная численность (111,4 млн в начале 1941 года), а к 1992 году она увеличилась еще на треть, достигнув 148,7 млн человек. После 1992 года население России сокращается. Что будет происходить с населением России в дальнейшем?

Численность населения зависит от трех главных демографических процессов: рождаемости, смертности и миграции. Каков возможный ход каждого из этих процессов в течение ближайших 50 лет?

Чтобы ответить на этот вопрос, в Центре демографии и экологии человека был выполнен аналитический прогноз. Одна из его целей заключалась в том, чтобы очертить как можно более широкий диапазон изменений численности населения России, возможных в течение предстоящих пяти десятилетий.

Прогноз был выполнен в 12 вариантах. Во всех 12 прогнозных сценариях показатели рождаемости и смертности рассматриваются как независимые, эндогенные переменные, которые изначально задают условия демографической динамики. Миграция же представляет собой возможный экзогенный ответ на ход событий, predetermined эндогенным демографическим развитием, и ее величина определяется как результат прогнозных расчетов. Расчеты не отвечают на вопрос, какой миграция будет в действительности, но позволяют сказать, какой она должна быть для того, чтобы обеспечить ту или иную динамику численности населения.

Даже если в действительности динамика рождаемости и (или) смертности будет не такой, как предусматривается настоящим прогнозом, высказанные предположения покрывают очень широкую область более или менее вероятных прогнозных сценариев. Большинство из реально возможных вариантов развития

Сценарии IA, IB, IC, ID — численность населения меняется только в зависимости от изменений рождаемости и смертности, миграционный прирост отсутствует.

Сценарии ПА, ПВ, РС, ПD — численность населения остается неизменной.

Сценарии IIIA, IIIB, IIIC, IIID — численность населения растет на 0,5 % в год.

Рис. Население России в 1950–2050 гг. (2000–2050 гг. — по разным вариантам аналитического прогноза Центра демографии и экологии человека)

наверняка будут находиться внутри этой области. Нельзя, конечно, исключить и выхода за ее пределы, но отклонение от них вовне едва ли может быть значительным. Соответственно, результаты расчетов позволяют с достаточной полнотой судить о всем спектре возможных в ближайшие 50 лет направлениях и масштабах изменений в численности населения России».

Литература

1. Араб-Оглы Э. А. В лабиринте пророчеств: социальное прогнозирование и идеологическая борьба. М., 1973.
2. Бестужев И. В. Прогнозы в области градостроительства как одно из направлений социального прогнозирования // Социальные предпосылки формирования города будущего. М., 1967.
3. Бестужев-Лада И. В. и др. Моделирование в социологических исследованиях. М., 1978.
4. Бестужев-Лада И. В. Нормативное социальное прогнозирование: возможные пути реализации целей общества. Опыт систематизации. М., 1987.
5. Бестужев-Лада И. В. Прогнозное обоснование социальных нововведений. М., 1993.
6. Бестужев-Лада И. В., Наместникова Г. А. Социальное прогнозирование: курс лекций. М., 2002.
7. Гаврилов О. Стратегия правотворчества и социальное прогнозирование. М., 1993.
8. Глуценко В. В., Глуценко И. И. Исследование систем управления: социологические, экономические, прогнозные, плановые, экспериментальные исследования. Железнодорожный, 2000.

9. Голиков В. Д. Основы социального прогнозирования и моделирования. Уфа, 2000.
10. Кржижановский Г. М., Струмилин С. Г., Кондратьев Н. Д., Базаров В. А. Каким быть плану: дискуссии 20-х годов. Л., 1989.
11. Медоуз Д. И. и др. Пределы роста. М., 1979.
12. Надеев А. Т. Моделирование социально-политических и экономических процессов: учебник. Н. Новгород, 2002.
13. Перспективы развития культуры в проблематике социального прогнозирования. СПб., 1997.
14. Плотинский Ю. М. Теоретические и эмпирические модели социальных процессов: учебное пособие. М., 1998.
15. Прогнозирование в социологических исследованиях: Методологические проблемы / отв. ред. И. В. Бестужев-Лада. М., 1978.
16. Социальные структуры и социальные субъекты / под ред. В. Ядова. М., 1992.
17. Стегний В. Н. Теория и методология социального прогнозирования: курс лекций. Пермь, 1999.
18. Тугаринов В. П., Румянцева Т. М. Предвидение и современность. Л., 1976.

УДК 316.25

М. В. Маргулян

Информационные технологии как фактор развития инновационного образования в России

*M. V. Margulyan. Information technologies as innovative education
development factor in Russia*

В статье рассматриваются возможности инновационного развития образования в России на базе современных информационных технологий, позволяющего готовить кадры, соответствующие требованиям современного рынка труда.

Ключевые слова: инновационное образование, информационные технологии, образовательная стратегия

Контактные данные: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44; (812) 575-11-24; e-mail: fsu@spbame.ru

The article reviews opportunities of innovative development of education in Russia based on modern informational technologies, which allows to train staff in compliance with the requirements of present day labor market.

Key words: innovative education, information technologies, educational strategy

Contact details: 190103, Saint-Petersburg, Lermontovskiy pr., 44; (812) 575-11-24; e-mail: fsu@spbame.ru

Характерной чертой современного мирового хозяйственного развития является переход ведущих стран к новому этапу формирования инновационного общества — построению экономики, базирующейся преимущественно на генерации, распространении и использовании знаний. Уникальные навыки и способности, умение адаптировать их к постоянно меняющимся условиям деятельности, вы-

Марина Владимировна Маргулян — старший преподаватель кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургской академии управления и экономики.

© М. В. Маргулян, 2010.

сокая квалификация становятся ведущим производственным ресурсом и основным источником экономического роста. Инвестиции в интеллектуальный, человеческий капитал превращаются в наиболее эффективный канал расходования средств. Поэтому вопросы инновационного развития экономики, реформирования высшего профессионального образования в новых исторических условиях являются ключевыми социально-экономическими проблемами развития любого государства, а в условиях глобального кризиса — важными макроэкономическими показателями состояния экономики, имеющими не только экономическую, но и социальную направленность, связанную с повышением качества жизни людей.

К сожалению, за последние десятилетия российская система образования демонстрирует слабую восприимчивость к новейшим инновационным изменениям, происходящим на современном рынке труда. Происшедшие в России события слома, трансформаций и т. д. естественным образом касались всех сфер жизнедеятельности, в том числе и сферы образования, образовательного процесса. Наблюдалось резкое падение показателей эффективности работы системы образования. Можно привести некоторые примеры, подтверждающие это. Система советского высшего образования, которая, по мнению В. М. Жукова [3], достигла своей наивысшей точки развития в 1985 г., после стала терять наблюдавшийся до этого устойчивый рост численности студентов, числа вузов и университетов, количества поступающих в вузы и выпускающихся из вузов специалистов. Страна, в свое время занимавшая одну из ведущих позиций в мире в сфере образования и в развитии высшего образования, приближавшаяся к воплощению идеи всеобщего высшего образования, оказалась на последнем месте среди развитых стран по доле студентов, обучающихся в университетах, — 11–12 % [4, с. 30].

Несмотря на прогрессивность разработанной политики России на современном отрезке времени становления образовательного процесса в соответствии с современными тенденциями развития общества и с учетом интеграционных процессов в сфере образования на уровне международного сообщества, она вызывает неоднозначную, а иногда и крайне негативную реакцию со стороны как научно-образовательного сообщества, так и российского общества в целом [6, с. 176].

Это связано с тем, что высшее образование все больше превращается в товар массового спроса, подпадающий под действие экономических законов. Значительное увеличение количества платных студентов позволяет получать большую прибыль. Это напрямую приводит к ухудшению качества предоставляемых образовательных услуг, поскольку роль преподавателя как носителя уникальных знаний и опыта сводится к минимуму. Преподаватели все больше вкладываются в методики массового контроля и техники презентаций, а лекции профессорско-преподавательского состава размещаются на сайтах университетов. Студентам все чаще предлагаются обезличенные и облегченные модули информации, которые заведомо легки для усвоения. Преподаватели, в свою очередь, сталкиваются с нехваткой традиционных для университетов ресурсов: свободного времени (нагрузка увеличивается с увеличением числа студентов), денежного вознаграждения (обеспечивающего необходимый социальный статус), а также информационных ресурсов [2, с. 150–151].

Раньше безусловными ориентирами образования были формирование знаний, навыков, информационных и социальных умений (качеств), обеспечивающих «готовность к жизни», в свою очередь понимаемую как способность приспособления личности к общественным обстоятельствам. Теперь образование все более ориентируется на создание таких технологий и способов влияния на личность, в которых обеспечивается баланс между социальными и индивидуальными потребностями и которые, запуская механизм саморазвития (самосовершенствования

ния, самообразования), обеспечивают готовность личности к реализации собственной индивидуальности и изменениям общества. Таким образом, образовательные технологии направляются на подготовку выпускника к инновационной деятельности, в основе которой лежит творческий процесс, предполагающий способность личности гибко реагировать на сложившиеся условия решения профессиональных задач.

В настоящее время в России идет становление новой системы образования, ориентированного на вхождение в мировое информационно-образовательное пространство. Этот процесс сопровождается существенными изменениями в теории и практике учебно-воспитательного процесса, связанными с внесением корректив в содержание технологий обучения, адекватным современным техническим возможностям и способствующим гармоничному вхождению учащегося в информационное общество. Компьютерные технологии постепенно становятся не дополнительным «довеском» в обучении, а неотъемлемой частью целостного образовательного процесса, значительно повышающей его эффективность.

Следует отметить, что об инновациях в российской образовательной системе заговорили с 80-х годов XX в. Именно в это время в педагогике проблема инноваций и, соответственно, ее понятийное обеспечение стали предметом специальных исследований.

В наиболее общем виде педагогическая или образовательная инновация представляет собой «нововведение в педагогическую деятельность, изменения в содержании и технологии обучения и воспитания, имеющие целью повышение их эффективности» [5, с. 198]. Инновации в образовании считаются новшествами, специально спроектированными, разработанными или случайно открытыми в порядке педагогической инициативы. В качестве содержания инновации могут выступать: научно-теоретическое знание определенной новизны, новые эффективные образовательные технологии, выполненные в виде технологического описания, проекты эффективно-инновационного педагогического опыта, готового к внедрению.

Весь спектр имеющихся исследований инноваций в образовании традиционно классифицируется на: организационные (связанные с оптимизацией условий образовательной деятельности), методические (направленные на обновление содержания образования и повышение его качества) и управленческие. Пока же все новшества, за которые ратуют и участники образовательного процесса, и субъекты, осуществляющие государственное управление им, представляют собой «инновационный конгломерат», который никак не увязывается с нормами образовательного законодательства, и существует как явление, автономное от него.

Поэтому важнейшей целью инновационного развития образования является определение условий и механизмов их достижения, которые обеспечат качественные изменения в самом образовании, системе образования и образовательных средах каждого региона страны для предоставления возможностей человеку многогранно развиваться как духовной, творческой и здоровой личности в соответствии с требованиями современного развития России; создадут условия для заинтересованного участия общества в реализации национального проекта «Образование»; позволят учитывать потребности рынка труда, а также общественные запросы со стороны различных групп населения; будут способствовать реализации тенденций развития современной России как ведущего участника глобальных отношений в мире.

Для реализации инновационной образовательной стратегии необходимо проведение системных научных исследований, создание соответствующей правовой базы, финансирование наиболее перспективных научно-образовательных проектов, позволяющих обеспечить прорывное развитие российской экономики, привлечение

бизнес-структур к проведению в вузах прикладных научных исследований и целевой подготовки выпускников. Инновационное образование невозможно без подготовки и переподготовки научно-педагогических кадров, повышения престижности труда педагогов и высокого уровня оплаты их деятельности, что позволит привлечь к преподаванию в высшей школе наиболее перспективную молодежь, широко использовать передовые инновационные технологии, повышающие конкурентоспособность конкретного вуза на рынке образовательных услуг.

Инновационное образование предполагает тесное взаимодействие образования и науки, связанное с подготовкой молодых ученых, способных к инновационной деятельности, активное участие вузов в реализации фундаментальных и прикладных исследований.

Исторически российская наука сложилась как социальный институт главным образом в рамках университетов. Европейская традиция сочетания исследовательской и преподавательской деятельности, заложенная А. Гумбольдтом, наглядно демонстрирует высокую результативность практически во всем мире.

В условиях России 1990-х гг. нарушение проверенного временем принципа Гумбольдта, гласящего, что подготовку молодых ученых необходимо осуществлять в обстановке передовой исследовательской науки, привело к значительному снижению как уровня и качества образования, так и уровня научных исследований. Обособленное существование научных и образовательных структур снижает потенциал их развития, уменьшает их вклад в преобразование экономики и общества, препятствует полноценному вхождению в мировое научно-образовательное пространство.

Организации высшей школы проявляют невысокую активность в выполнении научных исследований, причем ситуация в данной сфере имеет тенденцию к ухудшению. В настоящее время затраты на научную деятельность зафиксированы только в 40 % российских вузов (государственных и негосударственных). Из числа высших учебных заведений, выполнявших исследования и разработки, лишь 17 % были включены в государственный реестр научных организаций. Вновь созданные частные вузы практически не занимаются научно-исследовательской деятельностью [1].

Интеграционные процессы в сфере науки и образования могут носить институциональный, программный либо кластерный характер. Вместе с тем исходное требование ко всем формам интеграционных структур — высокий уровень научных исследований и образовательной деятельности. Институциональной базой интеграции являются крупные научно-образовательные центры и исследовательские университеты. Результатом интеграции является преодоление негативных тенденций и синергетические эффекты положительных изменений как в системе образования, так и в системе науки.

Стратегия развития университетов инновационного типа основана на реализации концепции вуза как учебно-научно-инновационного комплекса. В этом случае они, с одной стороны, готовят специалистов нового поколения для рынка интеллектуального труда, а, с другой стороны, становятся полноправными субъектами рыночной экономики как разработчики, поставщики объектов интеллектуальной собственности, продукции и услуг с новым качеством, востребованным потребителями. Небезосновательно, что такие университеты рассматриваются в качестве одной из составляющих инновационного сектора экономики страны. Как представляется, они могут дать вполне адекватные ответы на вызовы времени.

В целом интеграция науки и образования должна обеспечивать: повышение качества образования и подготовку научно-технических кадров, обладающих современными знаниями на уровне новейших достижений науки и технологий и

практическим опытом участия в научных исследованиях, полученным в процессе обучения; привлечение и закрепление талантливой молодежи в науке и образовании; повышение эффективности использования бюджетных средств, кадровых, информационных и материально-технических ресурсов научных организаций и вузов при проведении фундаментальных и прикладных исследований и подготовке научных кадров; активизацию взаимосвязей с бизнесом, процессов коммерциализации результатов прикладных научных исследований и разработок и передачи технологий в реальный сектор экономики [1].

Важнейшим фактором развития инновационного образования в России является широкое внедрение в учебный процесс передовых информационных технологий. Под информационной технологией понимается процесс, использующий совокупность средств и методов сбора, обработки и передачи данных (первичной информации) для получения информации нового качества о состоянии объекта, процесса или явления (информационного продукта).

Создание и поддержка информационных ресурсов в административной, учебной, методической и научной деятельности вуза может позволить: сократить бюрократические барьеры между подразделениями; упростить оформление и прохождение документов; реализовать различные запросы информации; удовлетворять информационные потребности студентов и преподавателей; обеспечивать максимальный доступ к информации о деятельности вуза; разрабатывать новые идеи и направления развития вуза и др.

По мнению специалистов управления экономикой и образованием, для реализации современных информационных технологий требуется: создать технологические условия, аппаратные и программные средства, телекоммуникационные системы, обеспечивающие нормальное функционирование сферы производства; подготовить индустриально-технологическую базу для производства в рамках международного разделения труда в национальных конкурентоспособных информационных технологиях и ресурсах; использовать первоочередное развитие опережающего производства информации и знаний; подготовить квалифицированные кадры; реализовать комплексное внедрение информационных технологий в сферу производства, управления, образования, науки, культуры, транспорта, энергетики и др.

Международные образовательные учреждения разрабатывают новые направления деятельности для создания условий перехода на современные информационные технологии. По их мнению, наиболее быстрый способ включения нашей страны в мировую образовательную систему — создание учебным заведениям России условий для использования глобальной сети Интернет, считающейся моделью коммуникации в условиях глобального информационного общества.

К основным направлениям вхождения отечественной системы образования в мировую информационно-образовательную среду относятся: совершенствование базовой подготовки учащихся школ и студентов высших и средних учебных заведений по информатике и современным информационным технологиям; переподготовка профессорско-преподавательского состава в области современных информационных технологий; информатизация процесса обучения и воспитания; оснащение системы образования техническими средствами информатизации; создание современной национальной информационной среды и интеграция в нее учреждений образования; развитие на базе современных информационных технологий единой системы дистанционного образования в России; участие России в международных программах, связанных с внедрением современных информационных технологий в образование.

Существуют самые разнообразные информационные технологии и методы обучения студентов вузов. Так, например, фундаментальный метод обучения,

предполагающий самообучение студентов с помощью чтения учебной и научной литературы, трансформируется в метод, при котором обучаемый взаимодействует с образовательными ресурсами при минимальном участии преподавателя и других обучаемых.

Важное значение в новой образовательной системе имеют материалы для самообучения, доставляемые по компьютерным сетям, позволяющие систематизировать в интерактивных информационных базах массивы данных, доступных через опосредованные компьютером коммуникации. Предоставление доступа к таким внешним базам данных с целями самообучения является наиболее простым и часто применяемым, но не единственным способом их использования в учебном процессе. На их основе могут разрабатываться локальные базы данных, ориентированные на использование как студентами, так и преподавателями. Все чаще в качестве источников информации при самообучении используются интерактивные журналы, которые представляют собой периодические издания, распространяющиеся среди подписчиков через компьютерные сети. Студенты часто подписываются на интерактивные журналы с целью использования их как неотъемлемой части курса или как дополнения к работе.

Значительную помощь в процессе самообучения оказывают компьютерные обучающие программы, которые могут использоваться на удаленном компьютере через компьютерную сеть. Студенты могут получить также доступ к прикладным программам в удаленных библиотеках программных продуктов. Такие прикладные программы доступны на целом ряде главных компьютеров вуза. Интернет обеспечивает стандартизованный протокол пересылки файлов (FTP — file transfer protocol), позволяющий получить копии прикладных программных средств, а основной функцией многочисленных и популярных BBS (систем досок объявлений) является обмен программными средствами.

Определенные изменения произошли и в системе индивидуальной работы преподавателя и студента, позволяющие осуществлять взаимодействие не только на основе непосредственного контакта, но и посредством таких технологий, как телефон, голосовая почта, электронная почта. Безусловно, такие коммуникационные технологии не заменят в полной мере непосредственное воспитательное воздействие преподавателей, но окажут определенную помощь в организации теленаставничества.

Новое развитие получают такие традиционные формы обучения, как лекции и семинарские занятия. Так, лекции, записанные на аудио- или видеокассеты, читаемые по радио или телевидению, дополняются в инновационном образовательном процессе так называемыми элекциями (электронными лекциями), т. е. лекционным материалом, распространяемым по компьютерным сетям. Элекция может представлять собой не традиционный лекционный текст, а подборку статей или выдержек из них, а также учебных материалов, которые готовят обучающихся к будущим дискуссиям. Для проведения практических занятий используются электронные учебники, учебно-методические пособия, тестовые и другие материалы, позволяющие контролировать уровень подготовки обучаемых.

Интерактивные взаимодействия между самими обучающимися, а не только между преподавателем и обучающимися, становятся важным источником получения знаний. Развитие этих методов связано с проведением учебных коллективных дискуссий, применением технологии аудио-, аудиографических и видеоконференций, позволяющих всем участникам дискуссии обмениваться письменными сообщениями как в синхронном, так и в асинхронном режиме, что имеет большую дидактическую ценность. Компьютерно опосредованные коммуникации дают возможность также активнее использовать такие методы обучения, как дебаты,

моделирование, ролевые игры, дискуссионные группы, мозговые атаки, методы Дельфи, методы номинальной группы, форумы, проектные группы и др.

Таким образом, научно обоснованная и выверенная политика инновационного образования, использование информационных технологий позволяют готовить кадры, соответствующие требованиям современного рынка труда, обеспечивать образование, обучение и переподготовку специалистов, осуществлять выбор профессии и место работы, развивать трудовую мотивацию, заинтересованность в высокоэффективном труде и возможность такого труда, основанного на профессиональной квалификации и работоспособности.

Литература

1. *Аналитический сборник по материалам круглого стола «Интеграция науки и образования как необходимое условие инновационного развития экономики России»*. М., 2005.
2. *Войлокова Е. А.* Модернизация высшего образования в России в контексте глобализации: постановка проблемы // Вестник Инжексона. Серия: гуманитарные науки. 2009. № 4.
3. *Жуков В. М.* Высшая школа России: история и современные сюжеты. М., 2000.
4. *Козлов А. А.* Ценностный мир современного студенчества (социальный портрет явления). М., 1992.
5. *Рапацевич Е. С.* Педагогика. Большая современная энциклопедия. Минск, 2005.
6. *Тюрина Ю. А.* Социодинамика образовательного процесса в России: социологический анализ. СПб., 2009.

В. Г. Стрекозов, П. П. Глущенко

Гражданско-правовые способы защиты конституционных прав, свобод и законных интересов граждан в РФ

*V. G. Strekozov, P. P. Gluschenko. Civil ways of Russian Federation citizens'
Constitutional rights, freedoms and legal interests protection*

В статье рассматриваются гражданско-правовые способы защиты конституционных прав, свобод и законных интересов граждан в Российской Федерации. Обосновывается характер судебной защиты как наиболее эффективного средства защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов граждан нашей страны.

Ключевые слова: права и свободы гражданина, законные интересы, правовые споры, судебная защита

Контактные данные: В. Г. Стрекозов: 190000, Санкт-Петербург, Сенатская площадь, д. 1; (812) 404-33-11; e-mail: ksrf@ksrf.ru | П. П. Глущенко: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44; (812) 313-39-42

The article reviews civil ways of citizens' Constitutional rights, freedoms and legal interests protection in Russian Federation. It substantiates judicial defence as the most efficient way of violated rights, freedoms and legal interests defence for the citizens of this country.

Key words: rights and freedoms of a citizen, legal interests, legal disputes, judicial defence

Contact details: V. G. Strekozov: 190000, Saint-Petersburg, Senatskaya ploschad, 1; (812) 404-33-11; e-mail: ksrf@ksrf.ru | P. P. Gluschenko: 190103, Saint-Petersburg, Lermontovskiy pr., 44; (812) 313-39-42

Основное приоритетное значение на современном этапе развития российского общества в условиях становления и развития правового государства и в условиях дальнейшего развития международного сотрудничества России с другими государствами приобретают права и свободы человека (гражданина), а также защищаемые законом его интересы. В целях защиты своих прав, свобод и законных интересов каждый человек, независимо от его социальной принадлежности,

Владимир Георгиевич Стрекозов — судья Конституционного суда Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ.

Петр Петрович Глущенко — декан юридического факультета Санкт-Петербургской академии управления и экономики, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ.

© В. Г. Стрекозов, П. П. Глущенко, 2010.

пола, национальности или других характеризующих его особенностей лично или через своего представителя, вправе обратиться в образуемые государством юрисдикционные органы, правомочные в соответствии со своей предметной компетенцией рассматривать и разрешать правовые споры и принимать меры по защите прав человека. Наиболее эффективным средством защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов граждан в Российской Федерации, по нашему мнению, является судебная защита. «Каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случаях нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом» — это важное положение закреплено ст. 8 Всеобщей декларации прав человека [1, с. 136]. Это же положение содержится и в Конституции РФ. Оно развито и конкретизировано в ней таким образом, что как основные (конституционные), так и иные (отраслевые) права и свободы человека и гражданина находятся под защитой государства в лице его судебных органов. В суд можно обратиться за защитой права, которое предоставлено гражданину не только Конституцией или иным законом, но и подзаконным правовым актом.

Право на судебную защиту провозглашено ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации: «Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод». Местоимение «каждому» означает, что право на защиту обеспечивается любому лицу, как уже нами было отмечено, независимо от характеризующих его особенностей, в том числе лицу, находящемуся под следствием или судом либо уже отбывающему наказание, имеющему постоянное место жительства, или лицу БОМЖиЗ, дееспособному либо находящемуся под опекой или попечительством (через законного представителя), и т. д. Это право гарантируется не только гражданам Российской Федерации, но и иностранным гражданам и апатридам. При этом защите подлежат любые права и свободы, каким бы правовым актом они ни закреплялись — Конституцией, отраслевым законом, другими нормативными или индивидуальными правовыми актами. Это следует из смысла ч. 1 ст. 55 Конституции, установившей, что сам факт перечисления в Конституции основных прав и свобод не должен толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина. Таким образом, право на судебную защиту имеет универсальный характер, оно не знает никаких исключений.

Конституция Российской Федерации, предписав, что права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления, одновременно установила способ обеспечения этих прав и свобод — правосудие (ст. 18 Конституции РФ). Правосудие — это деятельность суда, осуществляемая в предусмотренном процессуальным законом порядке и заключающаяся в рассмотрении и разрешении конфликтов, связанных с действительным или предполагаемым нарушением норм гражданского, уголовного, административного и иных отраслей права. Конституционно гарантированное право на судебную защиту выступает в виде правоотношения, на одной стороне которого находится лицо, обратившееся за защитой, а на другой — суд, обязанный рассмотреть заявление этого лица и принять законное и обоснованное постановление. Но и это очень специфично — охранительный аспект права на судебную защиту действует изначально и постоянно, он «работает» и до возникновения юридического факта (подачи заявления), порождающего процессуальные правоотношения. Что касается суда как участника процессуального отношения, то независимо от того, какой именно суд рассматривает и разрешает конкретное заявление, он действует на общих для всех судов, да и всей системы правосудия конституционных принципах: законности,

гласности, состязательности, равноправия сторон, уважения чести и достоинства личности, недопустимости использования доказательств, полученных с нарушением закона, и др.

Обязанность рассматривать обращения граждан возложена на каждый суд, входящий в судебную систему Российской Федерации. Гражданин вправе обратиться с заявлением в суд за защитой его прав, свобод и законных интересов, но с непременным соблюдением правил о подсудности. Обращение гражданина в суд регулируется заранее установленными и потому общеизвестными правилами. Эта общеизвестность позволяет каждому рассчитывать на рассмотрение его заявления не специально подобранным по чьей-то воле судьей, а только тем, который еще до возникновения у данного лица потребности в судебной защите был предопределен законом. Здесь следует напомнить о чрезвычайно важном принципе, впервые сформулированном в ч. 1 ст. 47 Конституции РФ: «Никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом». Смысл этого правила состоит в том, что, во-первых, подсудность должна быть строго установлена законом и, во-вторых, суды не вправе произвольно ее изменять. В данном случае подсудность приобретает черты субъектного права гражданина на законного судью, или «своего» судью. Каждый человек должен знать, какой суд или какой судья будет рассматривать его дело, если таковое возникает. В этом состоит одно из проявлений принципа равенства граждан перед законом и судом. Право на законного судью впервые появилось в конституционном законодательстве нашей страны.

Судебная власть в сфере разрешения гражданских споров реализуется в трех видах гражданского судопроизводства — исковом производстве, публичном и особом производстве. Каждому из них присущи характерные признаки, но главенствующую роль по своим масштабам играет, конечно, исковое производство (примерно 75 % всех гражданских дел). В этом порядке, т. е. путем подачи исков, граждане отстаивают в суде свои субъективные права и охраняемые законом интересы, возникающие из гражданских, семейных, трудовых, жилищных, пенсионных, земельных и иных правоотношений, в том числе правоотношений, возникающих в сфере предпринимательской деятельности (в арбитражном процессе). Право на обращение в суд (право на предъявление иска) может быть реализовано только при наличии определенных условий, предусмотренных ГПК РФ. Среди них — подсудность дела данному суду, дееспособность истца, наличие у представителя истца надлежаще оформленных полномочий, должным образом составленное заявление (исковое требование), уплата в указанных законом случаях государственной пошлины. Если перечисленные условия соблюдены, суд обязан принять к рассмотрению иск (заявление) гражданина. Отказ рассматривать обращение граждан в судебном заседании может быть вызван лишь определенными основаниями, строго установленными законом (например, заявление не подлежит рассмотрению и разрешению в порядке гражданского судопроизводства; имеется вступившее в законную силу решение суда по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям или определения суда о прекращении производства по делу в связи с принятием отказа от иска или утверждением мирового соглашения сторон; имеется ставшее обязательным для сторон и принятое по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям решение третейского суда, за исключением случаев, если суд отказал в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда — ст. 134 ГПК РФ). Сходные основания для отказа в рассмотрении заявлений граждан и организаций установлены и в ст. 148 и 150 АПК РФ,

хотя и звучат данные статьи по-иному, как основания для оставления искового заявления без рассмотрения и прекращение производства по делу.

В порядке гражданского судопроизводства рассматриваются не только иски граждан, связанные с материальными правоотношениями, но и заявления по поводу нарушений их прав в сфере управленческих (публичных) правоотношений. Публичный интерес подлежит защите в установленном порядке и в тех случаях, когда он выражает в концентрированном виде интересы отдельных граждан, которые нужно защищать. В данном случае происходит как бы переход количества в качество и масштабность и значительность ущерба придает ему общезначимый характер. Тем самым реализуется конституционное право граждан на коллективные обращения в государственные и иные органы. К таковым можно отнести процедуры рассмотрения коллективных трудовых споров — п. 4 ст. 37 Конституции Российской Федерации, Федеральный закон «О порядке разрешения коллективных трудовых споров». Их рассматривают примирительная комиссия, посредники и (или) трудовой арбитраж [2]. Другой пример — раздел XII Закона «Об охране окружающей природной среды» посвящен разрешению споров в области охраны окружающей природной среды. Такие споры между предприятиями и организациями рассматриваются местными государственными органами, а с участием граждан — в судах (ст. 78–80). И здесь, как и в предыдущем случае, важно использовать легальные средства защиты общих интересов, если пострадали не отдельные, а многие граждане, население. Коллективные обращения и иски могут быть поданы за их подписями либо от их имени соответствующими представителями.

Еще более ярко публичное значение подобных споров выявляется в процессе обеспечения политических прав граждан. Конституционные права граждан на участие в управлении государственными делами, в местном самоуправлении, избирать и быть избранными, участвовать в референдумах, занимать должности в государственных и муниципальных органах, вносить предложения и другие рассчитаны не только на развитие гражданской активности, но и на процесс формирования и деятельности государственных и общественных институтов. Здесь «личное» ярко окрашено в цвета «публичного». Пример: в Санкт-Петербурге гражданин А. А. Аникин обжаловал в городском суде городской закон о резервном фонде бюджета, поскольку тем самым ограничивались функции губернатора и право гражданина участвовать в управлении через него как выборного представителя. После долгих разбирательств Президиум Верховного суда Российской Федерации оставил без изменения решение городского суда о признании недействительными ряда статей названного закона. Судебной защите подлежат любые права и свободы, в каком бы документе они ни были закреплены — в Конституции, отраслевых законах, в других нормативных или локальных правовых актах. Это следует из смысла ч. 1 ст. 55 Конституции РФ, согласно которой сам факт перечисления в ней основных прав и свобод не должен толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина. Таким образом, право на судебную защиту имеет универсальный характер. В этом смысле ч. 1 ст. 46 Конституции РФ находится в полной гармонии с требованиями, сформулированными ст. 8 Всеобщей декларации прав человека: «Каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случаях нарушения его прав, предоставленных ему Конституцией или законом». Посредством гражданского судопроизводства осуществляют судебную власть также арбитражные суды (ст. 118 Конституции РФ, ст. 28, 30–33 АПК РФ). Конституционное право на судебную защиту при определенных условиях может быть реализовано гражданином и в такой специ-

фической форме осуществления судебной власти, как арбитражное судопроизводство [3, с. 629].

Экономические споры, в том числе и связанные с предпринимательской деятельностью, прямо или косвенно рассматриваются различными судебными органами в соответствии с подведомственностью: Конституционным судом РФ, арбитражными судами и судами общей юрисдикции, конституционными (уставными) судами субъектов Федерации. Определенная часть экономических споров между субъектами предпринимательской деятельности разрешается в третейских судах. Но в основном своем объеме реализация права на судебную защиту в экономической сфере происходит в арбитражных судах. Поэтому мы сознательно ограничиваемся рассмотрением развития и реализации конституционного права на судебную защиту только в арбитражном «секторе» государственно-правовых институтов судебной власти. Система арбитражных судов как совокупность органов государственной власти является основным государственно-властным инструментом судебной защиты в экономической сфере, инструментом реализации конституционного права на судебную защиту, посредством которого субъекты предпринимательской деятельности воплощают в жизнь принцип судебной защиты прав человека и гражданина путем осуществления правосудия на основе арбитражного процессуального законодательства [4]. Конституционные гарантии судебной защиты прав и свобод человека выражены через процессуальные условия — беспристрастность суда; гласность, открытость (публичность) судебного разбирательства; оперативность правосудия и др. Методика и результаты исследования проблемы беспристрастности суда вполне применимы и к уголовному, и к гражданскому, и к арбитражному процессам, тем более что в российском гражданско-процессуальном законодательстве (ст. 16 ГПК РФ) предусмотрен институт отвода судей по инициативе либо участников процесса, либо самих судей (самоотвод). Такой принципиальный подход совпадает с подходом Европейского суда по правам человека к этой проблеме. Гласность в судопроизводстве — конституционный принцип, закрепленный в ч. 1 ст. 123 Конституции РФ и дословно воспроизведенный в ст. 9 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации».

Российским гражданско-процессуальным законодательством, признающим требования международных стандартов в области прав человека, установлено: «Задачами гражданского судопроизводства являются правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан и организаций...» (ст. 2 ГПК РФ). Аналогичным образом сформулированы и задачи арбитражного процессуального законодательства: «Задачами судопроизводства в арбитражных судах являются: защита нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность...» (ст. 2 АПК РФ). Согласно ст. 10 ГПК РФ и ст. 11 АПК РФ разбирательство во всех судах открытое. Каждый желающий увидит, как вершится правосудие, имеет право присутствовать на любом открытом судебном заседании.

Европейский суд по правам человека отметил, что гласность и открытость судебного разбирательства направлены на защиту сторон от тайного правосудия, не подпадающего под контроль общественности, и что они являются одним из средств сохранения доверия в судах всех уровней (см. ст. 6 Европейской конвенции по правам человека). В решениях суда дается развернутая характеристика этих понятий. Так, в деле Претто против Италии (8 декабря 1983 г.) указано: «Публичный характер судопроизводства, о котором говорится в п. 1 ст. 6, защи-

щает тяжущихся от тайного отправления правосудия вне контроля со стороны общественности; он служит одним из способов обеспечения доверия к судам как высшим, так и низшим. Сделав отправление правосудия прозрачным, он содействует достижению целей п. 1 ст. 6, а именно справедливости судебного разбирательства, гарантия которого является одним из основополагающих принципов всякого демократического общества». В другом своем решении (Экбатани против Швеции, 26 мая 1988 г.) Европейский суд высказался еще определеннее: «...что касается публичности, то все материалы дела доступны широкой публике» [5].

Рассмотрение дел в присутствии публики имеет превентивное значение, воспитывая уважение к законности и правопорядку. Т. Г. Морщакова справедливо считает, что «позитивное значение открытое судебное разбирательство может иметь лишь в случае, когда демонстрируется объективность и беспристрастность суда, строгое следование процедуре, равное и уважительное отношение к сторонам и другим участникам процесса, высокую общую культуру» [6, с. 90].

Гласность в судебной деятельности невозможна без соблюдения порядка во время судебного разбирательства. Присутствующие в зале суда обязаны уважительно относиться к суду, соблюдать принятые в суде правила и процедуры, подчиняться распоряжениям председательствующего. К нарушителям могут быть применены меры ответственности, являющиеся организационными гарантиями принципа гласности. Слушание дела в закрытом заседании допускается лишь в случаях, предусмотренных федеральным законом. Эта конституционная гарантия гласности судопроизводства соответствует общепризнанным принципам и нормам международного права. Разбирательство в закрытых судебных заседаниях осуществляется только по определенным категориям дел (составляющим государственную тайну, тайну усыновления (удочерения) ребенка и др.). Так, дело, в котором содержатся сведения, составляющие государственную тайну, должно быть назначено судьей к рассмотрению в закрытом судебном заседании вне зависимости от мнения по этому вопросу участвующих в деле лиц. Сведения, составляющие государственную тайну, и их перечень установлены законом РФ от 21 июля 1993 г. «О государственной тайне» и Указом Президента РФ от 30 ноября 1995 г. «Об утверждении перечня сведений, отнесенных к государственной тайне». В целях охраны тайны личной переписки, телеграфных или иных сообщений их оглашение и исследование в открытом судебном заседании допускаются лишь с согласия лиц, между которыми переписка и сообщения происходили. При проведении закрытого судебного заседания в зале заседания остаются только стороны, их представители и другие указанные в соответствующем Законодательстве участники процесса. В судебной практике встречаются случаи, когда судебное заседание закрывается по причине, что свидетели испытывают страх при даче показаний в присутствии публики. В этих случаях судьи прямо ссылались на ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах и ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, в которых предусмотрена возможность закрытого слушания, «когда публичность нарушала бы интересы правосудия» (см., например, Постановление Президиума Верховного суда РФ от 27 сентября 1996 г.) [7].

Согласно ч. 1 ст. 6 Европейской конвенции по правам человека «судебное решение объявляется публично, однако пресса и публика могут не допускаться на все судебное заседание или часть его по соображениям морали, общественного порядка или государственной безопасности в демократическом обществе, если это требуется в интересах несовершеннолетних или для защиты частной жизни сторон, или в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо — при особых обстоятельствах, когда публичность нарушала бы интересы правосудия».

Аналогичное положение содержится в ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, за исключением того, что Пакт в отличие от Конвенции разрешает не оглашать решение по гражданскому делу, «когда интересы несовершеннолетних требуют другого или когда дело касается матримониальных споров или опеки над детьми». В Конституции РФ закреплено: «Разбирательство во всех судах открытое. Слушание дела в закрытом судебном заседании допускается в случаях, предусмотренных федеральным законом» (ст. 123). В соответствии с п. 1 ст. 6 Европейской конвенции прав и основных свобод человека «каждый имеет право при определении его гражданских прав и обязанностей... на справедливое публичное разбирательство в разумный срок». Ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах также указывает на право быть судимым без неоправданной задержки. Однако Европейский суд установил, что если в гражданском судопроизводстве «заявитель не проявил заботливости, которой можно ожидать от стороны в подобном споре» и тем самым «способствовал продлению разбирательства», нарушения сроков рассмотрения дела не выявляются. Хотя «заявителей нельзя винить в неполном использовании средств правовой защиты, достигнутой ими по внутригосударственному праву», их поведение представляет собой объективный факт, ответственность за который нельзя возложить на государство и который должен учитываться в целях определения, был ли превышен разумный срок, упомянутый в п. 1 ст. 6 Европейской конвенции по правам человека [8, с. 488].

Таким образом, Российское процессуальное законодательство в вопросах защиты прав человека вплотную приблизилось к нормам международного права. Кроме рассмотренных нами конституционных принципов правосудия, судебная деятельность характеризуется важнейшими показателями: качеством и оперативностью (соблюдением процессуальных сроков). Согласно общепризнанным принципам и нормам международного права быть судимым без неоправданной задержки составляет одно из основополагающих прав человека, неразрывно связанных с правом на справедливое судебное разбирательство. Своевременность рассматривается как уложение рассмотрения дела и вынесение решения по нему в предусмотренные законом сроки. Так, согласно ст. 154 ГПК РФ гражданские дела рассматриваются и разрешаются судом до истечения двух месяцев со дня поступления заявления в суд, включая срок на подготовку дела к судебному разбирательству, а мировым судьей — до истечения месяца со дня принятия заявления к производству. В арбитражном процессе данный срок несколько меньше — 1 месяц (ст. 387 АПК РФ), но ввиду сложности отдельных категорий дел законодателем здесь установлен достаточно длительный срок на подготовку дела к судебному — до 2 месяцев (ст. 134 АПК РФ), чего нет в судах общей юрисдикции. Несмотря на то что Верховный суд РФ и Министерство юстиции РФ всегда связывали проблему сроков с эффективностью защиты прав граждан, ни в науке, ни в законах, ни на практике оперативность никогда не рассматривалась как конкретное право человека, обращающегося в суд или привлеченного к суду, на рассмотрение его дела без неоправданной задержки (в разумный срок). Ничего не говорится о сроках рассмотрения дел по обращениям граждан в юрисдикционные органы государства и в Конституции РФ.

Пленум Верховного суда РФ неоднократно анализировал состояние дел с соблюдением сроков рассмотрения судами уголовных и гражданских дел и принимал соответствующие постановления. В Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 24 августа 1993 г. № 7 «О сроках рассмотрения уголовных и гражданских дел судами Российской Федерации» наряду с констатацией наличия факторов, негативно влияющих на своевременность рассмотрения дел, не зави-

сящих от отношения судей к своим обязанностям (например, неудовлетворительное материально-техническое обеспечение судов), отмечено: «Основными причинами нарушения процессуальных сроков являются недостатки и упущения в деятельности судов, связанные с неудовлетворительной организацией судебного процесса, снижением исполнительской дисциплины, недостаточным контролем со стороны председателей соответствующих судов». Вместе с тем, законодательно принцип оперативности закреплен не был, хотя в жизни людей часто имеет довольно важное значение, связанное с потерей личного времени, с экономической, морально-психологической сторонами в жизни человека, обратившегося к правосудию, а потому, по нашему мнению, требует нормативного закрепления. В связи с этим позволим себе согласиться с мнением Л. Ю. Грудичиной о разумности дополнить ст. 2 ГПК РФ частью 2 следующего содержания: «Лицо, обратившееся за судебной защитой, вправе рассчитывать и требовать от суда оперативности при рассмотрении и разрешении гражданского дела» [9].

В ч. 1 ст. 47 Конституции РФ впервые за историю развития российской государственности сформулирован принцип: «Никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом». Это право, широко известное на Западе как право на законного судью, на «своего» судью (например, ст. 101 Конституции ФРГ), ранее никогда не фигурировало в России даже в качестве постулата прав и свобод человека. Гражданский кодекс РФ, введенный в действие 1 января 1995 г., содержит специальную норму о судебной защите гражданских прав (ст. 11). В ней предусмотрено, что защиту нарушенных или оспоренных гражданских прав осуществляют в соответствии с подведомственностью дел, установленной процессуальным законодательством, суды общей юрисдикции, арбитражные суды или третейские суды. Защита гражданских прав в суде является основным способом защиты [10]. В ст. 23 ГПК РФ перечислены категории гражданских дел, подсудных мировому судье (нормы этой статьи дублируются ст. 3 Федерального закона «О мировых судьях Российской Федерации»); в ст. 24 — гражданские дела, подсудные районному суду; в ст. 25 — гражданские дела, подсудные военным судам и иным специализированным судам; в ст. 26 — гражданские дела, подсудные верховному суду республики, краевому, областному суду, суду города федерального значения, суду автономной области и суду автономного округа; в ст. 27 — гражданские дела, подсудные Верховному суду РФ. В арбитражном процессе в судах первой инстанции подсудность дел по экономическим спорам распределяется между арбитражными судами субъектов Российской Федерации, за исключением дел, отнесенных к подсудности Высшего арбитражного суда РФ (ст. 34 АПК РФ).

В Постановлении Конституционного суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности положений ст. 115 и 231 ГПК РСФСР, ст. 26, 251 и 253 ГПК Российской Федерации, ст. 1, 21 и 22 Федерального закона от 18 июля 2003 г. «О прокуратуре Российской Федерации» сказано, что из Конституции РФ вытекает принцип «правосудия, в силу которого надлежащим судом для рассмотрения дела признается суд, компетенция которого определена законом, обосновывающим как разграничение видов судебной юрисдикции, так и определение предметной, территориальной и инстанционной подсудности». Д. Н. Бахрах в статье «Подведомственность юридических дел и ее уровни» отмечал: «Необходимость определения законом надлежащего суда для каждого дела исключает нечеткое или расширительное определение судебной компетенции, допускающее ее произвольное истолкование правоприменителем. В противном случае подсудность дел не может считаться установленной законом» [11]. Нарушается принцип за-

конного суда и таким определением подсудности, при котором та же категория дел подведомственна судам разной юрисдикции или разного уровня [12, с. 3101]. При объединении нескольких связанных между собой требований в суде общей юрисдикции, изменении предмета иска или при предъявлении встречного иска, если новые требования становятся подсудными районному суду, а другие остаются подсудными мировому судье, все требования подлежат рассмотрению в районном суде. Если подсудность дела изменилась в ходе его рассмотрения у мирового судьи, мировой судья выносит определение о передаче дела в районный суд и соответственно передает его на рассмотрение в районный суд. Согласно ч. 4 ст. 23 ГПК РФ споры между мировым судьей и районным судом не допускаются.

Существенную роль при определении предметной компетенции судов по делам, вытекающим из гражданских правоотношений, имеет и определение подведомственности споров, т. е. отнесение нуждающихся в разрешении дел к ведению судов общей юрисдикции или арбитражных судов. В этой связи лицо, обращающееся за защитой своего оспариваемого или нарушенного права, должно руководствоваться двумя основными критериями: 1) характером спорного правоотношения; 2) составом участников спорных правоотношений. Руководствуясь данными критериями в отношении физических лиц, не наделенных статусом предпринимателей, законодатель установил (п. 3 ч. 1 ст. 33 АПК), что арбитражные суды рассматривают дела по спорам об отказе в государственной регистрации, уклонении от государственной регистрации юридических лиц, индивидуальных предпринимателей. Из чего следует полагать, что законодатель при определении подведомственности указанной категории дел не руководствовался ни одним из указанных критериев при разграничении дел между арбитражными судами и судами общей юрисдикции, призванными защищать нарушенные права и законные интересы физических лиц, не наделенных статусом индивидуальных предпринимателей. В нашем понимании сложившейся ситуации представляется, что использование даже одного из указанных критериев определения предметной компетенции судов не может быть положено в основу отнесения какого-либо из дел к ведению арбитражного суда или суда общей юрисдикции. Существенное значение здесь должен играть правовой статус участников спорного правоотношения. В указанной же норме (ст. 33 АПК) физические лица, обращающиеся в компетентный юрисдикционный орган за государственной регистрацией их в качестве индивидуальных предпринимателей, не только не обладают статусом предпринимателей, но и их отношения с государственными органами не носят экономического характера. Исходя из сказанного, полагаем, что дела с участием физических лиц, хотя бы они и были направлены на приобретение статуса лица-предпринимателя, должны рассматривать суды общей юрисдикции в рамках административно-правовых отношений.

Важной стороной защиты прав граждан в порядке гражданского судопроизводства является состязательность сторон в спорных правоотношениях, которая законодательно закреплена как в ст. 123 Конституции РФ, так и в ст. 12 ГПК РФ. Несмотря на то что в отмеченных нормах состязательность выступает как право участников спора совершать определенные процессуальные действия, основное правило состязательности в процессе все же обусловлено не правом, а обязанностью каждой стороны доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основание своих требований и возражений, если иное не предусмотрено Федеральным законом. Данное правило характерно как для гражданского, так и для арбитражного процесса и, соответственно, закреплено в ст. 56 ГПК РФ и ст. 65 АПК РФ. Отметим, что нормы ст. 9 АПК РФ и ст. 35 ГПК РФ о праве лиц, участвующих в деле, представлять доказательства не противоречат нормам, за-

крепляющим обязанность доказывания тех обстоятельств, на которые стороны ссылаются как на основания своих требований и возражений. Вместе с тем, по делам публичного производства лицо, обратившееся в суд с заявлением на нарушение его прав, свобод и законных интересов, освобождается от обязанности доказывания, здесь данная обязанность лежит на юрисдикционных органах или их должностных лицах, принявших оспариваемый правовой акт, решение или совершивших действие (бездействие), которые оспариваются в порядке публичного производства (ч. 1 ст. 65 АПК РФ и ч. 1 ст. 249 ГПК РФ). Здесь, по нашему мнению, в ГПК РФ было бы более целесообразно не разрывать нормы ст. 56 и 249 ГПК РФ, но объединить их, как и в арбитражном процессуальном законодательстве, в одну статью в общей части кодекса.

Не менее важным вопросом при рассмотрении в гражданском процессе дел о защите прав, свобод и законных интересов граждан является их право о введении в судопроизводство судебного представителя. Представительство в суде содействует реализации права граждан на судебную защиту и является институтом конституционного права. В соответствии с ч. 1 ст. 48 Конституции РФ каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. В ст. 48 ГПК РФ и в ст. 59 АПК РФ указывается, что граждане вправе вести свои дела в суде лично или через представителей. Личное участие в деле гражданина не лишает его права иметь по этому делу представителя. Участие представителя в гражданском процессе обусловлено обстоятельствами, связанными с необходимостью получения юридической помощи лицом, чьи интересы отстаиваются в суде. Такая помощь может быть оказана гражданам при защите их прав, свобод и законных интересов как в виде юридических консультаций, до или во время судебного разбирательства, так и в виде подготовки необходимых документов, сбора доказательств по делу и т. п.

Вести дело в суде через представителя могут не все участники процесса, а только стороны, третьи лица, заявляющие самостоятельные требования на предмет спора, и третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований на предмет спора, органы государственной власти, органы местного самоуправления, организации и граждане, участвующие в гражданском процессе в порядке ст. 46 ГПК РФ или ст. 53 АПК РФ, заявители и заинтересованные лица по делам особого производства и по делам, возникающим из публичных правоотношений. Судебное представительство возможно по всем категориям гражданских дел в суде первой, апелляционной инстанции, в кассационной и надзорной инстанциях, при пересмотре вступивших в законную силу решений, определений по вновь открывшимся обстоятельствам и при исполнении судебных решений. Для выполнения поставленных задач судебный представитель вступает в процессуальные отношения с судом. Эти отношения регулируются нормами процессуального права и имеют процессуальный характер. Отношения же представителя и представляемого регулируются нормами материального права (гражданского, семейного, трудового и др.) и являются по своему характеру материально-правовыми отношениями. Отношения между доверителем и доверенным, вытекающие из договора поручения, являются гражданско-правовыми отношениями, отношения между родителями и детьми — семейно-правовыми (представительство по закону).

Судебная защита прав, свобод и законных интересов граждан в арбитражном процессе осуществления аналогично судебной защите гражданских прав судами общей юрисдикции, с той лишь разницей, что субъектами процессуальных правоотношений здесь выступают граждане, наделенные статусом предпринимателя, ибо обратившиеся в компетентные органы государственного управления за по-

лучением такого статуса, права которых нарушены действием либо бездействием должностных лиц. В качестве материальных правоотношений, подлежащих судебной защите, здесь выступают отношения, связанные с предпринимательской и иной экономической деятельностью. Таким образом, арбитражные суды рассматривают и разрешают экономические споры, в том числе те, одной из сторон которых являются граждане, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица и имеющие статус предпринимателя. Естественно, что граждане-предприниматели вправе рассчитывать на защиту своих прав и охраняемых законом интересов в арбитражных судах, куда они могут обратиться с соответствующим иском (ст. 125 Арбитражного процессуального кодекса РФ, принятого 24.07.2002 г.) или заявлением по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений. В арбитражном судопроизводстве, как и в гражданском, действует принцип диспозитивности, поэтому обращение в арбитражный суд полностью зависит от воли и усмотрения предпринимателя, это его «свернутое» право, потенциально обеспеченное законом.

Компетенция, организация и порядок деятельности арбитражных судов определяется законом об арбитражных судах российской Федерации и Арбитражным процессуальным кодексом. Задачей арбитражного суда является: защита охраняемых законом прав и интересов организаций и граждан, единообразное и правильное применение законодательства, содействие правовыми средствами соблюдению законодательства и укреплению законности в экономических отношениях. Право гражданина на защиту в арбитражном суде, как и в суде общей юрисдикции, бесспорно. При рассмотрении дел, вытекающих из административных и иных публичных отношений, проявляется реальный судебный контроль за действиями (бездействием) чиновников, причем инициированный гражданами или их представителями. Не случайно в литературе по административному праву именно эту деятельность суда рассматривают как результат преломления в сфере административного регулирования права граждан на судебную защиту. Здесь следует согласиться с Д. Н. Бахрахом о том, что «рассмотрение судами жалоб граждан на акты должностных лиц и органов исполнительной власти — это административная юстиция или правосудие по административным делам» [13, с. 57–58]. На наш взгляд, рассматривая порядок и особенности обеспечения, защиты конституционных прав, свобод и законных интересов граждан органами судебной власти в гражданском судопроизводстве, представляется немаловажным вопрос о защите публичных интересов граждан. Конституция Российской Федерации, зафиксировав административное судопроизводство в качестве одного из способов осуществления судебной власти (ч. 2 ст. 118), тем самым предопределила, что судебная защита прав, свобод и законных интересов граждан может быть реализована и в этой форме судопроизводства. В принципе это действительно так. Однако возможность для граждан, как и для общественных организаций, использовать административное судопроизводство практически затруднена несовершенством процессуального законодательства, регулирующего обжалование правовых актов, нарушающих права и законные интересы неопределенного круга лиц.

Одним из широко распространенных публичных споров стало признание недействительными актов государственных органов и органов местного самоуправления. Соответствующие процедуры применяются в рамках разных видов судопроизводства. Так, ст. 13 ГК РФ устанавливает, что ненормативный акт государственного органа или органа местного самоуправления, а в случаях, предусмотренных законом, также нормативный акт может быть признан судом недействительным, если он не соответствует закону или иным правовым актам

и нарушает гражданские права и законные интересы граждан и юридических лиц. В рамках гражданского судопроизводства как в судах общей юрисдикции (ч. 1 ст. 251 ГПК РФ), так и в арбитражных судах (ч. 1 ст. 192 АПК РФ) нормативно закреплено право граждан и организаций на обращение в суд с заявлением о признании недействующим нормативного правового акта, принятого юрисдикционным органом, если считают, что этот акт или отдельные его положения нарушают их права, свободы и законные интересы. К сожалению, задача максимального приближения суда к населению в целях облегчения доступа граждан к правосудию сегодня все еще не решена, поскольку, несмотря на ее провозглашение в Концепции судебной реформы в РФ [14, с. 48], правоприменительная практика вновь принятых ГПК РФ и АПК РФ 2002 г. указывает на явную необходимость совершенствования процессуальных гарантий защиты прав, свобод и законных интересов. Так, например, удручающими являются случаи, когда гражданам лишаются права на судебную защиту их законных интересов по мотиву обращения в суд за защитой несубъективного права [15].

По общему правилу граждане и организации в силу ст. 3 и 4 ГПК РФ вправе обращаться в суд за защитой своих прав, свобод и охраняемых законом интересов (исключение составляют случаи, когда граждане или организации вправе в соответствии с законом обращаться в суд в защиту прав, свобод и законных интересов других лиц) [16]. Исходя из этого, заявления граждан и организаций, оспаривающих нормативные правовые акты, не затрагивающие их права, т. е. не регулирующие отношения с их участием (например, заявление граждан, не имеющих статуса индивидуального предпринимателя, об оспаривании нормативных правовых актов, регулирующих отношения с участием организаций и индивидуальных предпринимателей), не должны приниматься к производству судов. В принятии таких заявлений, как не подлежащих рассмотрению и разрешению в порядке гражданского судопроизводства, следует отказывать на основании п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ, поскольку в заявлении, поданном от своего имени, оспаривается акт, не затрагивающий права, свободы или законные интересы заявителя.

На наш взгляд, положения нового гражданского и арбитражного процессуального законодательства имеют существенные противоречия как с нормами Конституции РФ, так и отдельные недоработки внутреннего содержания правовых норм. Так, если в ГПК РФ четко определены основания отказа в принятии заявления об обжаловании нормативных правовых актов — заявление подано от своего имени, в котором оспариваются акты, которые не затрагивают права, свободы или законные интересы заявителя, то в АПК РФ вообще неясным остается вопрос, каким образом должен поступить суд в случае поступления такого заявления. Исключение из содержания норм АПК института отказа в принятии заявления оставило без ответа многие процессуальные вопросы, в том числе и этот. В нормах же, предусматривающих возвращение заявления (ст. 129 АПК РФ) и основания для оставления искового заявления без рассмотрения (ст. 148 АПК РФ), так же как и в ст. 192 АПК РФ, право на обращение в арбитражный суд с заявлением о признании нормативного правового акта недействующим вообще ничего не говорится о том, каким образом должен поступать суд в случаях поступления таких заявлений. Вместе с тем, по нашему мнению, вопрос о защите публичных интересов физических лиц в судах общей юрисдикции и арбитражных судах должен стать вопросом научной дискуссии, предусматривающим существенные изменения в действующем законодательстве. Не вдаваясь глубоко в содержание указанных нами правовых норм, кратко постараемся изложить свою позицию по данному вопросу.

В ст. 53 АПК РФ предусмотрено право на обращение в суд государственных органов, органов местного самоуправления и иных органов, которые вправе обратиться с исками или заявлениями в арбитражный суд в защиту публичных интересов. В обращении должно быть указано, в чем заключается нарушение публичных интересов, послужившее основанием для обращения в арбитражный суд. Недостатком действующего законодательства, на наш взгляд, является исключение из норм процессуального права, права граждан на защиту публичных интересов (т. е. неопределенного круга других лиц). По действующему процессуальному законодательству граждане и организации вправе защищать только свои субъективные права и законные интересы со стороны государственных органов, органов местного самоуправления, принявших правовой акт, которым эти права нарушены. При обжаловании нормативных правовых актов лицу, обращающемуся в суд, необходимо предоставить доказательства того, что данным правовым актом нарушаются его непосредственные права.

Вместе с тем, правовые акты органов административной юрисдикции могут нарушать права и законные интересы неопределенного круга лиц, порождая негативные последствия если и не для всего общества, то для его части, вступая, таким образом, в противоречия с принципом правового государства — «Верховенство Закона». Вместе с тем, противоречием процессуального законодательства Конституции РФ является то, что на защиту интересов общества, благополучие которого входит в круг законных интересов граждан, у граждан-то и нет права, хотя ч. 1 ст. 19 Конституции РФ предусматривает равенство всех перед законом и судом. Таким образом, действующие ГПК и АПК РФ без всяких на то оснований лишают граждан права защищать интересы общества, в котором они живут, предоставляя такое право лишь государственным органам, их должностным лицам, отдельной категории государственных служащих и органам местного самоуправления.

В ч. 1 ст. 32 Конституции РФ закреплены также гарантии права граждан в управлении делами государства путем обращения лично или через своих представителей в государственные органы — ст. 33 Конституции РФ, к которым отнесены органы правосудия, по существу же данные гарантии упраздняются нормативными актами ГПК РФ и АПК РФ, имеющими меньшую юридическую силу, чем Конституция РФ. При этом естественно сужаются и границы судебного контроля за нормотворческой деятельностью государственных органов и органов местного самоуправления, о злоупотреблениях которых суду может стать известно не только от лиц, чьи права нарушаются юрисдикционными органами, или от представителей таких же юрисдикционных органов, но и от ряда других физических лиц (представители общественных организаций, практикующие юристы и др.). На наш взгляд, такие ограничения не только ущемляют законные интересы граждан, но и имеют негативные последствия для формирования правового государства. Кроме того, ни для кого не секрет, что нормотворчество в субъектах Российской Федерации находится еще в стадии становления, и принятые органами государственной власти субъектов РФ правовые акты, а также правовые акты органов местного самоуправления содержат значительное число ошибок, несоответствий актам более высокой юридической силы, что приводит к нарушению прав неопределенного круга физических и юридических лиц и требуют дополнительного контроля не только со стороны федеральных органов законодательной власти, но и со стороны судебных органов.

Защищать права человека, оберегать общество от разрушительных социальных конфликтов способна лишь независимая судебная власть, для этого ей необходима возможность эффективно влиять на другие ветви власти, сдерживать и урав-

новешивать их, поэтому судебную власть нельзя сводить лишь к рассмотрению конкретных гражданских или уголовных дел. Судебная власть, получив право контроля за правовым содержанием всех нормативных актов, издаваемых органами законодательной и исполнительной власти, может усилить свою роль в государственно-правовом механизме властвования, но для этого ей нужны дополнительные полномочия, о которых мы уже говорили. Контроль за правовым содержанием нормативных актов лишь тогда станет эффективным, когда в нем будут задействованы все средства и методы выявления фактов нарушений в сфере нормотворчества, в том числе и инициативной помощи граждан, лишь в данном виде может проявляться принцип сдержек и противовесов всем другим ветвям государственной власти. «В контексте системы сдержек и противовесов, — отмечает В. М. Савицкий, — судебную власть характеризует не столько правосудие, сколько юридическая возможность оказывать активное влияние на решения и действия законодательной и исполнительной властей, „уравновешивать“ их. Полномочия, когда они предоставлены суду и используются судом, превращают его в мощную стабилизирующую силу, способную защищать права и свободы граждан, оберегать общество от разрушительных социальных конфликтов» [17, с. 25]. Система сдержек и противовесов — это система сбалансированного взаимодействия, не позволяющая ни одной ветви власти выйти за пределы Конституции.

Судебный контроль за законами и иными нормативными актами реализуется в двух формах: при разрешении конкретных дел, когда суд, придя к выводу, что подлежащий применению закон или иной конкретный нормативный акт не соответствует Конституции РФ или общепризнанным принципам и нормам международного права, либо конкретный нормативный акт не соответствует нормативному акту более высокого уровня, принимает решение по данному делу на основании установленной Конституцией РФ иерархической соподчиненности нормативных актов (опосредованный контроль); при оспаривании нормативных актов «в чистом виде» на предмет несоответствия их Конституции РФ, общепризнанным принципам и нормам международного права, либо несоответствия нормативного акта иному нормативному акту, обладающему большей юридической силой, имеет место непосредственный нормоконтроль. Результатом такого оспаривания нормативных актов в случае удовлетворения судом выдвинутых претензий является лишение оспариваемого акта юридической силы или признание его не подлежащим применению. Практика судебной защиты прав и охраняемых законом интересов и практика судебного контроля за правовым содержанием всех видов нормативных актов сталкивается с трудностями, возникающими в разграничении компетенции между судами в связи с осуществлением судебной власти в формах конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства, а также образования в связи с этим трех видов судебной власти:

- 1) Конституционного суда РФ и конституционных (уставных) судов субъектов федерации;
- 2) системы судов общей юрисдикции, возглавляемой Верховным судом РФ;
- 3) системы арбитражных судов, возглавляемой Высшим арбитражным судом РФ. Указанные сложности возникли в связи с тем, что конституционно-контрольная деятельность возложена на всю судебную систему и при этом создан специальный судебный орган конституционного контроля — Конституционный суд РФ.

Опосредованный нормоконтроль существует при рассмотрении конкретных гражданских, уголовных или административных дел. Если судья (суд) придет

к выводу, что закон, регулирующий соответствующие правовые отношения, не соответствует Конституции РФ, а потому не подлежит применению в данном деле, то суд должен разрешить дело на основе Конституции РФ, руководствуясь ст. 15, 120 и теми ее нормами, под действие которых подпадает данный конкретный случай. При этом не соответствующий Конституции РФ закон не отменяется, а не применяется для данного случая. Такая практика основана на том, что Конституция РФ имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, применяемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции РФ (ст. 15). Согласно ч. 4 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» единство судебной системы обеспечивается применением всеми судами Конституции РФ, конституционных законов, законов, общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации, а также конституций (уставов) и других законов субъектов Российской Федерации. В ч. 3 ст. 5 этого закона говорится: «Суд, установив при рассмотрении дела несоответствие акта государственного или иного органа, а равно должностного лица Конституции РФ, конституционному закону, закону, общепризнанным принципам и нормам международного права, международному договору Российской Федерации, конституции (уставу) субъекта Российской Федерации, закону субъекта Российской Федерации, принимает решение в соответствии с правовыми положениями, имеющими наибольшую юридическую силу» [18].

Судья Конституционного суда РФ, доктор юридических наук, профессор Г. А. Жилин отмечал в своей статье «Полномочия судов: порядок определения»: «Согласно сформулированному в ГПК РФ и общему правилу о разграничении судебной компетенции по данной категории дел, суды общей юрисдикции в порядке производства по делам о признании недействующими нормативных правовых актов не рассматривают дела лишь о тех актах, проверка которых отнесена федеральным законом к подведомственности других судов (ст. 245 ГПК РФ). Частным случаем этого является правило ч. 3 ст. 251 ГПК РФ, согласно которому не подлежат рассмотрению в порядке данного производства заявления об оспаривании тех нормативных правовых актов, проверка конституционности которых отнесена к исключительной компетенции Конституционного суда РФ [19].

По нашему мнению, для всех судов РФ должна быть детально расписана компетенция по вопросу признания незаконными тех или иных видов подзаконных актов, а кто стал инициатором такой проверки, не должно иметь принципиального значения. Предметом судебного нормоконтроля при этом должно являться ненарушенное субъективное право обращающегося к суду лица, а сам факт противоречия установленной нормы закону или подзаконному акту, имеющему большую юридическую силу. Требование граждан признать определенный правовой акт не соответствующим Конституции РФ, закону или другому акту, имеющему большую юридическую силу, не должно отвергаться по основаниям того, что такой правовой акт не затрагивает их субъективных прав. Основанием для рассмотрения подобных обращений должны служить доводы чисто юридического характера — нарушение прав, свобод или законных интересов любых лиц. В случае усмотрения кем-либо из граждан нарушения в сфере законодательства должно быть достаточно самого факта несоответствия подзаконного правового акта закону или акту, имеющему большую юридическую силу, для того чтобы суд принял по нему решение в порядке нормоконтроля.

Исходя из сказанного предлагаем внести изменения в действующее гражданское процессуальное законодательство, исключив из норм ГПК РФ и АПК РФ положения об обращении в суд с заявлением граждан и организаций о признании нормативного правового акта недействующим лишь в случае нарушения таким актом субъективного права инициатора. В таких случаях судам будет отведено более широкое поле для осуществления нормоконтроля в деятельности юрисдикционных органов, а для граждан и организаций их право на управление делами государства путем обращения к суду для проверки конституционности нормативных правовых актов. Кроме того, на наш взгляд, довольно проблемным в плане правового регулирования остается вопрос о возмещении вреда, причиненного государственными органами гражданам в порядке гражданского судопроизводства. Обращение в суд за разрешением спора о возмещении убытков, причиненных действием (бездействием) органов исполнительной власти, имеет ряд сложностей. Так, во-первых, подобный иск имеет смешанную правовую природу. Он, с одной стороны, основан на гражданско-правовом (имущественном) характере правоотношения, а с другой стороны, он возникает из административных правоотношений в связи с признанием акта органа исполнительной власти (его должностного лица, действующего от лица государства) недействительным.

Следует отметить, что вообще судебные органы не наделены функциями исполнительной власти и, в результате контроля за содержанием нормативных правовых актов, суды не вправе отменять принятые органами исполнительной власти их должностными лицами акты, а лишь могут признать их недействительными. Причем правом признавать акт государственного органа недействительным наделен только суд. Согласно ст. 253 ГПК РФ с момента вступления в законную силу решения суда о признании нормативного акта либо отдельной его части незаконными этот акт считается недействующим полностью или в части и влечет за собой утрату силы. В соответствии с п. 17 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 20 января 2003 г. № 2 «О некоторых вопросах, возникших в связи с принятием и введением в действие Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации», так же как в п. 9 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 27 апреля 1993 г. № 5 (утратило силу), признание акта недействующим приравнивается к признанию его недействительным и означает, что акт не порождает правовых последствий с момента его издания (вступления в силу). Такая же ситуация установлена по отношению к действию (бездействию). В соответствии со ст. 258 ГПК РФ суд, признав заявление обоснованным, принимает решение об обязанности соответствующего органа государственной власти, органа местного самоуправления, должностного лица, государственного или муниципального служащего устранить в полном объеме допущенное нарушение прав и свобод гражданина или препятствие к осуществлению гражданином его прав и свобод.

Иного подхода придерживается Конституционный суд РФ. Он исходит из того, что понятия «признание закона недействующим» и «признание закона недействительным» имеют различное содержание. Первое отражает противоречие нормативного акта федеральному закону, а второе — несоответствие Конституции РФ, что может признать лишь Конституционный суд РФ. В Постановлении от 11 апреля 2000 г. № 6-П Конституционный суд РФ указал, что решение суда общей юрисдикции, которым нормативный акт признан противоречащим федеральному закону, по своей природе не является подтверждением недействительности закона, его отмены самим судом, тем более лишения его юридической силы с момента издания, а означает лишь признание его недействующим и, сле-

довательно, с момента вступления решения суда в силу не подлежащим применению; как любое судебное решение, оно обязательно к исполнению всеми субъектами, которых оно касается. Лишение же акта юридической силы возможно только по решению самого законодательного органа, издавшего акт, или в предусмотренном Конституцией РФ порядке конституционного судопроизводства [20]. Данная позиция Конституционного суда РФ высказана применительно к нормативным актам субъектов Российской Федерации. М. С. Носенко полагает, что такое положение противоречит целям правосудия и нарушает конституционное право граждан и организаций на судебную защиту нарушенных прав, в частности ст. 53 Конституции РФ. Кроме того, Г. А. Жилина, высказывая свое особое мнение, отметила, что понятия «признание недействующим» и «признание недействительным» выражают одно и то же явление при их рассмотрении в процессуально-правовом и материально-правовом аспектах. Различная терминология, а именно «признание недействующим», «признание недействительным», «признание незаконным» обусловлена только причинами исторического свойства и несовершенством юридической техники [21, с. 194].

Изучение судебной практики показывает, что, независимо от формы судебного контроля за актами власти (прямого или косвенного), суды используют единые основания для признания актов органов власти недействительными (незаконными). Указанные основания сформулированы в Постановлении Пленума Верховного суда РФ и Пленума Высшего арбитражного суда РФ от 1 июля 1996 г. № 6/8 — это одновременно как несоответствие акта закону или иному правовому акту, так и нарушение актом гражданских прав и охраняемых законом интересов гражданина или юридического лица, обратившихся в суд с соответствующим требованием (п. 6). Таким образом, с точки зрения критериев, применяемых судом для оценки законности актов власти, различия отсутствуют. К сожалению, судебная практика свидетельствует о сложности применения положений законов об ответственности государства за действия (бездействия) органов исполнительной власти. При разрешении дел, связанных с требованиями лиц о возмещении вреда в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, суды учитывают и следующие проблемы [22]:

1. Возможность рассмотрения вопроса о привлечении к административной ответственности государственного органа, если их ответственность устанавливается нормами гражданского законодательства. По общему правилу основанием административной ответственности является совершение административного правонарушения. При этом правонарушение является таковым, если присутствуют все элементы состава правонарушения. Вина является его обязательным признаком. Проведем сравнение соотношения категории вины и гражданской ответственности и вины в качестве признака административной ответственности. Общим правилом для гражданской ответственности является положение о «презумпции вины» (например, п. 2 ст. 401 устанавливает, что «отсутствие вины доказывается лицом, нарушившим обязательство», или в соответствии с п. 2 ст. 1064 Гражданского кодекса РФ «лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине»), однако в соответствии с п. 3 ст. 2 Гражданского кодекса РФ «к имущественным отношениям, основанным на административном или ином властном подчинении одной стороны другой, в том числе к налоговым и другим финансовым и административным отношениям, гражданское законодательство не применяется, если иное не предусмотрено законодательством». Действующим административным законодательством предусматривается пока

«презумпция невиновности», хотя с точки зрения теории понятие вины юридических лиц абсурдно. Орган власти — такое же коллективное образование, как и юридическое лицо, не наделенное властными полномочиями, осуществляющее предпринимательскую деятельность, и его вина может восприниматься только опосредованно через вину должностных лиц.

2. Другой проблемой следует обозначить возможность соединения двух предметов спора — о признании акта недействительным (административный спор) и о возмещении вреда, причиненного таким актом (гражданский спор), — в одном судебном процессе. Изучение судебной практики показывает, что единства среди судей и ряда научных работников по данному вопросу нет. Ряд лиц полагает, что для решения вопроса в суде обязательно требуется признание акта недействительным либо в административном, либо в судебном порядке, обосновывая такое решение ст. 13 Гражданского кодекса РФ: «В случае признания судом акта недействительным нарушенное право подлежит восстановлению либо защите иными способами, предусмотренными ст. 12 Гражданского кодекса РФ».

Исходя из буквального толкования данной нормы, можно установить, что первоначальные действия лица должны быть направлены на обжалование акта и признание его недействительным, а восстановительные меры по защите прав являются второстепенными, производными от первых. Такая точка зрения, безусловно, влияет на оформление иска, и согласно ей в одном исковом заявлении не могут быть заявлены два разнородных требования: о признании акта недействительным, с одной стороны (требование, возникающее из административно-правовых правоотношений), и о возмещении вреда, причиненного таким актом, с другой стороны (требование, возникающее из гражданских правоотношений). Существует и другая точка зрения, которая основывается на применении норм ст. 16 и 1069 Гражданского кодекса РФ, прямо регламентирующих ответственность государства. Данные статьи регламентируют возможность осуществления судом контрольных полномочий за деятельностью органов исполнительной власти. Установив в ходе судебного процесса незаконность акта, суд должен удовлетворить требование о возмещении вреда. Кроме того, ст. 120 Конституции РФ также содержит правило о том, что суд, установив при рассмотрении дела несоответствие акта государственного органа закону, принимает решение в соответствии с законом.

3. Следующим вопросом, возникающим при разрешении подобных споров, следует назвать толкование понятий «вред», «убытки» и «ущерб». Названные термины не являются синонимами. Поэтому для положительного решения проблемы по удовлетворению исков о возмещении следует установить границы требований. Что имеет место в данном правоотношении: наличие убытков, ущерба или вреда? Но, если неправильное определение предмета спора — дело поправимое, когда, используя, например, ст. 39 ГПК РФ, ст. 49 Арбитражного процессуального кодекса РФ, можно до вынесения решения изменить предмет иска, то другая ошибка — ошибка по выявлению причинно-следственной связи между недействительностью акта и убытками (ущербом, вредом) — может стоить заявителю (истцу) отказа в удовлетворении иска. Вопрос об установлении причинно-следственной связи между принятым незаконным актом и последствиями его принятия является, пожалуй, самым трудным в процессе доказывания [23].

Еще одним важным вопросом является вопрос о сроках обжалования действий (бездействия) должностных лиц. Так, Закон РФ от 27.04.1993 г. «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» в ст. 5 устанавливает сроки обращения в суд с жалобой:

- 3 месяца со дня, когда гражданину стало известно о нарушении его права;
- 1 месяц со дня получения гражданином письменного уведомления об отказе вышестоящего органа, объединения, должностного лица в удовлетворении жалобы или со дня истечения месячного срока после подачи жалобы, если гражданином не был получен на нее письменный ответ.

Причем пропущенный по уважительной причине срок подачи жалобы может быть восстановлен судом. Следует отметить, что для обжалования административных актов законом установлены значительно более короткие сроки по сравнению с общим сроком исковой давности [24]. Так, на требования о возмещении вреда, причиненного государством, распространяется общий срок исковой давности — 3 года. Таким образом, потерпевшие, пропустившие срок обжалования административного акта, могут «обходить» соответствующую норму закона путем подачи иска о возмещении вреда. Причем такое фактическое изменение срока будет считаться правомерным. Так как иск о возмещении вреда будет удовлетворен при установлении судом не только противоправности действий органа власти, но и других элементов состава правонарушения (вреда, причинной связи и т. д.). В связи с этим можно говорить, что специальные сокращенные сроки установлены для тех случаев, когда неправомерные акты не оказывают отрицательного воздействия на имущественное положение граждан, что происходит достаточно часто. Причинение вреда является особым последствием издания неправомерного акта. Кроме того, вред может возникнуть после истечения достаточно короткого срока обжалования административного акта [25].

В заключение нам следует привести совершенно справедливую цитату из постатейного комментария к Арбитражному процессуальному кодексу РФ под редакцией профессора В. В. Яркова: «Значимость совершенствования именно процессуального законодательства объясняется тем, что бесконечные шлифовка и доработка материального законодательства будут бесполезными, если в обществе нет системы правового принуждения его участников к исполнению их обязательств как перед друг другом, так и перед государством. Согласно ст. 18 Конституции России права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием» [26, с. VI]. Можно отметить и то положение, что на наших глазах за последнее десятилетие разворачивается своеобразный правовой эксперимент, достаточно интересный и глубокий по своему содержанию. Речь идет о параллельном функционировании двух систем судебной гражданской юрисдикции в рамках гражданского и арбитражного процессов, что позволяет выявить достоинства и недостатки того либо иного варианта процессуально-правового регулирования, механизмов правореализации, построения судебной системы. В конечном счете, все это идет на благо участников гражданских и публично-правовых отношений, обеспечивая им возможность в условиях изменяющегося процессуального законодательства увидеть и оценить различия в деятельности арбитражных судов и судов общей юрисдикции.

В принятии новых АПК и ГПК РФ и проявляется та связь государства, права и отдельного человека, которая переводит конституционные положения о правозащитных функциях органов правосудия в плоскость их практической реализации путем создания рабочих механизмов, которые позволяют каждому нуждающемуся в судебной защите лицу получить судебную защиту его прав, свобод и законных интересов.

Литература

1. Права человека. Основные международные документы. М., 1989.
2. Тихомиров Ю. А. Публично-правовые споры // Право и экономика. 1998. № 6.
3. Конституция РФ: научно-практический комментарий / под ред. акад. Б. Н. Топорнина. М., 1997.
4. Ермошин Г. Т., Адзинова Е. А. Развитие в законодательстве о судебной власти конституционного права на судебную защиту в экономической сфере // Законодательство и экономика. 2004. № 11.
5. Грудицына Л. Ю. Конституционные гарантии судебной защиты прав и свобод и особенности их реализации в гражданском судопроизводстве // Законодательство и экономика. № 2005. № 2.
6. Комментарий к законодательству о судебной системе Российской Федерации / под ред. Т. Г. Морщаковой. М., 2003.
7. Грудицына Л. Ю. Указ. соч.
8. Решение Европейского суда по правам человека от 8 декабря 1983 г. Pretro против Италии // Европейское право в области прав человека.
9. Грудицына Л. Ю. Указ. соч.
10. Определение Кассационной коллегии Верховного суда РФ от 11 января 2000 г. № КАС 99-390; Определение Судебной коллегии Верховного суда РФ от 24 августа 2000 г.; Обзор судебной практики Верховного суда РФ за I квартал 1998 г. по гражданским делам (утв. Постановлением Президиума Верховного суда РФ от 6 мая 1998 г.).
11. Бахрах Д. Н. Подведомственность юридических дел и ее уровни // Журнал российского права. 2005. № 4.
12. СЗ ПФ. 2003. № 30.
13. Бахрах Д. Н. Административное право. М., 2000.
14. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / сост. С. А. Пашин. М., 1992.
15. Бюллетень Верховного суда РФ. 2001. № 12. С. 21; Некоторые вопросы судебной практики по гражданским делам Верховного суда РФ // Там же. 2002. № 6. С. 21.
16. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 20.01.2003 № 2 «О некоторых вопросах, возникших в связи с принятием и введением в действие Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации // Бюллетень Верховного суда РФ. 2003. № 3.
17. Савицкий В. М. Прошу у суда защиты! Защита прав человека в современном мире. М., 1993.
18. «О судебной системе Российской Федерации». Конституционный закон Российской Федерации от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 1.
19. Жилин Г. А. Полномочия судов: порядок определения // ЭЖ-Юрист. 2004. № 42.
20. Пункт 7 мотивировочной части Постановления Конституционного суда РФ от 11 апреля 2000 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений п. 2 ст. 1, п. 1 ст. 21 и п. 3 ст. 22 Федерального закона „О прокуратуре РФ“ в связи с запросом Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РФ» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 16. Ст. 1774.
21. Рипинский С. Ю. Имущественная ответственность государства за вред, причиняемый предпринимателям. СПб., 2002.
22. Минаков И. А. Вопросы обжалования гражданином действий (бездействия) должностных лиц органов государственной власти и управления // Нотариус. 2004. № 5.
23. Там же.
24. Ст. 5 Закона РФ от 27 апреля 1993 г. № 4866-1 «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан».
25. Минаков И. А. Указ. соч.
26. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. проф. В. В. Яркова. М., 2003. С. VI.

И. Е. Нельговский, А. В. Таркинская

Гражданско-правовое регулирование расчетов с использованием банковских карт

*I. E. Nelgovskiy, A. V. Tarkinskaya. Civil regulation
of bank cards transactions*

В статье рассматриваются проблемы правового регулирования расчетов с использованием банковских карт. Авторы предлагают пути совершенствования гражданского законодательства.

Ключевые слова: банковские карты, расчетный счет, банковский вклад, гражданско-правовое регулирование, кредитный договор

Контактные данные: И. Е. Нельговский: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44; (812) 313-39-42; e-mail: urfac_spbame@rambler.ru | А. В. Таркинская: 191002, Санкт-Петербург, ул. Марата, д. 27; (812) 718-50-05

The article reviews issues of legal regulation of bank cards transactions. The authors suggest the ways of civil legislation improvement.

Key words: bank cards, operating account, bank deposit, civil regulation, credit agreement

Contact details: I. E. Nelgovskiy: 190103, Saint-Petersburg, Lermontovskiy pr., d. 44; (812) 313-39-42; e-mail: urfac_spbame@rambler.ru | A. V. Tarkinskaya: 191002, Saint-Petersburg, ul. Marata, 27; (812) 718-50-05

В соответствии со ст. 862 Гражданского кодекса РФ при осуществлении безналичных расчетов допускаются расчеты платежными поручениями, по аккредитиву, чеками, по инкассо, а также расчеты в иных формах, предусмотренных законом.

К таким формам относится и зачисление денежных средств на карту работников, хотя о них ничего не говорится в данной статье Гражданского кодекса РФ.

Зарплатные проекты, как известно, появились в России одними из первых. Основное количество карт выпущено именно в рамках этих проектов. По данным Центрального банка РФ, выпущенные в России карты являются зарплатными, т. е. используются не как платежные инструменты, а только для получения наличных средств. Как на начальном этапе истории развития карточного бизнеса, так и сейчас зарплатные проекты имеют своей целью:

- привлечение дополнительных ресурсов в виде остатков на карточных счетах сотрудников организации, в которой реализуется зарплатный проект;
- закрепление за банком крупного клиента юридического лица, замкнув на себе еще большие денежные потоки клиента;
- привлечение нового клиента юридического лица с перспективой перевести его к себе на расчетно-кассовое обслуживание.

С недавних пор удобство этой системы закрепилось постепенным переходом на электронный документный оборот.

Игорь Евгеньевич Нельговский — заведующий кафедрой гражданского права и процесса Санкт-Петербургской академии управления и экономики, доктор юридических наук, профессор.

Алена Викторовна Таркинская — аспирант Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета.

© И. Е. Нельговский, А. В. Таркинская, 2010.

При этом резко ограничивается число лиц, которые владеют информацией о совершении платежа, его размере и назначении. В этом большой плюс осуществления банковских операций путем применения банковских карт. В данном случае остается неприкосновенной коммерческая тайна, а также частная жизнь клиента платежной системы.

Организация же имеет неоценимый плюс, так как в любой момент может запросить у банка информацию о перечислении денежных средств со своих счетов на счета работников.

Для получателей платежей этот способ тоже выгоден, так как денежные средства при осуществлении платежа клиентом платежной системы сразу же попадают на расчетный счет получателя и могут быть сразу же задействованы при осуществлении платежей. Нечего говорить о том, что отпадает необходимость в инкассации и совершении операций многократных пересчетов денежной наличности, при которой не избежать ошибок, что в любой организации является очень неприятным моментом.

При использовании банковских карт отпадает необходимость ношения при себе крупных сумм денежной наличности. Этот аспект касается прежде всего личной безопасности клиента платежных систем.

Применение расчетов путем применения банковских карт позволяет эффективно осуществлять финансовый, валютный и налоговый контроль, что является одним из элементов экономической безопасности государства. Недаром российское законодательство позволяет вывозить за рубеж большие суммы иностранной валюты на банковских картах без объявления их в таможенной декларации, чем если иностранная валюта будет вывозиться в виде денежной наличности.

В этом плане примечателен европейский опыт. Как показали исследования, внесение клиентами на банковские счета денежной наличности в размере более 10 тыс. евро вызывает подозрения у сотрудников банка в криминальном происхождении этих денежных средств [1].

При данном способе перечисления денег на счет всегда можно проследить и их систему поступления с других счетов.

В то же время лицо, имеющее банковскую карту и закрепленный за ней счет, может подписать с банком дополнительное соглашение, по которому со счета периодически будут вычитаться налоги, а также коммунальные расходы. Что значительно отражается на экономии свободного времени.

В случае утери или кражи карты владелец может позвонить в банк и заблокировать операции с картой. Нашедший или укравший карту не сможет ею воспользоваться после совершения блокировки (от нескольких секунд до нескольких дней), за исключением некоторых редких случаев (подмитные операции). Владельцу же будет перевыпущена его карта с сохранением всей суммы на момент блокировки, за минусом небольшой суммы за перевыпуск.

Законодательства многих стран ограничивают либо пристально контролируют суммы на ввоз/вывоз денежных средств. Банковские карты же таможенному учету не подлежат, соответственно с их помощью можно провозить любые суммы.

Получение наличности или оплата товаров и услуг с банкоматов или торговых терминалов происходит очень быстро в любой точке мира.

Владелец банковской карты может получать быстрое и беспроцентное пополнение своего счета, находясь в другом городе или вообще стране, тогда как при банковском платеже теряются проценты за услуги.

Кроме явных преимуществ существуют и некоторые недостатки. В развитых странах мира практически все торговые точки принимают банковские карты, в менее развитых — прием карт ограничен крупными супермаркетами. В неко-

торых странах наличие кассового терминала в магазинах обязательно, как и кассовый аппарат.

При расчетах через Интернет и получении наличности через банкоматы и оплаты товаров в сомнительных точках существует ненулевая вероятность стать жертвой мошенничества с использованием технических средств. Частичным выходом из этой ситуации является использование микропроцессорных карт. Поэтому следует быть крайне осторожным при пользовании магнитными картами.

Хотя банки-эмитенты стараются предельно упростить интерфейс банкоматов, для многих людей возникают заметные сложности в получении наличности, а иногда даже и при расчетах в кассовых терминалах.

Получение наличных денежных средств путем списания с банковского счета карты можно проводить с помощью банкоматов, а также в офисах банков. При обналичивании средств списывается определенный процент комиссии. При обналичивании средств в банкоматах и терминалах банка-эмитента комиссия отсутствует или сравнительно низка. При получении наличности в других банках процент выше, при этом присутствует минимальная сумма комиссии.

Но, несмотря на положительные и отрицательные стороны использования банковских карт в повседневной жизни, в законодательстве отсутствует само определение банковской карты, что приводит к различиям в формулировках данного понятия в договорах различных банков [2]. Договором, опосредующим использование банковской карты, является договор между держателем карты и эмитентом. Именно этим договором определяются условия эмиссии и использования банковских карт, непосредственным образом затрагивающие интересы потребителей этой финансовой услуги. Следует отметить, что в зарубежной законодательной практике регулированию подвергаются в первую очередь отношения между эмитентом и держателем банковской карты.

Положение ЦБР от 9 апреля 1998 г. № 23-П «О порядке эмиссии кредитными организациями банковских карт и осуществления расчетов по операциям, совершаемым с их использованием» не регулирует специальным образом отношения между держателем карты и эмитентом, ограничиваясь упоминанием договора, который должен быть заключен между ними. Необходимость договорного оформления отношений между эмитентом и держателем также вытекает из абзаца 1 ст. 30 Закона «О банках и банковской деятельности». Рассмотрев структуру данного договора, можно прийти к выводу, что в его составе содержатся как минимум два других договора: банковского счета и договора об осуществлении расчетов по операциям, совершенным с использованием карты.

Наличие договора банковского счета в данном случае очевидно. Счет необходим для проведения расчетных операций с банковскими картами, как и практически любых других расчетных операций в соответствии с требованиями действующего законодательства (п. 3 ст. 861 ГК).

В соответствии с действующим законодательством такой договор как раз и будет являться смешанным. Гражданский кодекс РФ характеризует его как «договор, в котором содержатся элементы различных договоров, предусмотренных законом или иными правовыми актами...» (п. 3 ст. 421 ГК). Из этого следует, что смешанный договор характеризуется двумя специальными признаками. Во-первых, в него входят два или более договоров, предусмотренных законом или иными правовыми актами. Во-вторых, договоры, входящие в смешанный договор (его элементы), должны быть связаны между собой в такой степени, чтобы имелись основания говорить об одном договоре, а не о нескольких.

Данный договор является возмездным. Согласно существующей практике эмитент в безакцептном порядке списывает вышеуказанные суммы с картсчета.

В соответствии с действующим законодательством безакцептное списание денежных средств с банковского счета допускается, если в договоре банковского счета указано право банка осуществлять данное действие, а также банку предоставлено письменное распоряжение клиента, позволяющее идентифицировать лицо, имеющее право на безакцептное списание, и обязательство, по которому возможно такое списание. Если обязательства, являющиеся основанием для безакцептного списания, носят однородный характер, то указанное распоряжение клиента может быть инкорпорировано в договор банковского счета, что и происходит в случае списания сумм платы за использование банковской карты.

Распространенный на практике первоначальный взнос на карту не имеет юридического значения. Суммы указанного взноса обычно состоят из суммы сервисной ставки за год, обеспечительного депозита и первоначального минимального остатка денежных средств на картсчете. При получении наличных денежных средств держатель также может уплачивать комиссию, определяемую в Положении ЦБР от 9 апреля 1998 г. № 23-П «О порядке эмиссии кредитными организациями банковских карт и осуществления расчетов по операциям, совершаемым с их использованием».

Определенную сложность представляет вопрос о том, является ли договор о выдаче и использовании банковской карты публичным договором. Мы разделяем высказанную в научной литературе идею о том, что договор банковского счета имеет отдельные черты публичного договора, но в целом публичным не является. Именно при наличии возможности банк не вправе отказать клиенту в открытии счета, тогда как его условия могут быть разными для отдельных категорий клиентов (см. соответственно абз. 2 п. 2 ст. 846 и п. 1 ст. 846 ГК). В силу правила о смешанном договоре указанные положения будут применяться к договору о выдаче и использовании дебетовой карты.

Несколько иная ситуация с кредитными картами, оплата операций по которым совершается в пределах, предоставленных держателю кредита. Очевидно, что составной частью этого договора выступает кредитный договор. Он не является публичным договором. Общие положения гражданского права и правила о кредитном договоре предусматривают, что банк может не только отказать заемщику в его заключении, но и, заключив договор, отказать в выдаче кредита «при наличии обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что предоставленная заемщику сумма не будет возвращена в срок» (п. 1 ст. 821 ГК). Очевидно, что отказ в заключении кредитного договора может быть не мотивирован. Конструкция смешанного договора распространяет данные положения и на операции с кредитной картой, включая ее выдачу. Применение других правил, в том числе и о банковском счете, противоречило бы существу смешанного договора о выдаче и использовании кредитной карты.

Эмитент должен зачислить поступившие на счет держателя денежные средства в срок, предусмотренный законодательством. Однако он также должен сообщить о совершенной приходной операции в свой процессинговый центр. Значение этого сообщения заключается в том, что при осуществлении авторизации процессинговый центр может использовать информацию только о тех денежных средствах держателя, о которых ему сообщил эмитент. Иными словами, если эмитент не успел сообщить процессинговому центру о совершении той или иной приходной операции или последний не успел обработать эту информацию, то процессинговый центр не может использовать информацию о соответствующих денежных средствах клиента при ответе на авторизационный запрос. Здесь следует отметить, что проведение авторизации является условием осуществления большинства операций с банковскими картами.

Таким образом, юридическое значение имеет не только зачисление определенных сумм на картсчет, но и информирование об этом соответствующего процессингового центра, поскольку внесенные или перечисленные денежные средства становятся доступными для совершения операций с банковскими картами только после этого момента. Срок, исчисляемый с момента внесения или перечисления денежных средств на картсчет и по истечении которого данные денежные средства становятся доступными для совершения операций с банковскими картами, должен быть сообщен держателю, поскольку характеризует важные потребительские свойства оказываемой банками финансовой услуги.

Согласно п. 3 ст. 10 Закона «О защите прав потребителей» информация об услугах «доводится до сведения потребителей в технической документации, прилагаемой к товарам (работам, услугам), на этикетках, маркировкой или иным способом, принятым для отдельных видов товаров (работ, услуг)». Представляется целесообразным рекомендовать эмитентам указывать данную информацию в договоре о выдаче и использовании банковской карты, тем более что она практически совпадает с его существенными условиями (см. п. 3.2.8.). В случае изменения условий использования карты эмитент обязан уведомить об этом держателя. Информацию о комиссии эквайрера можно указывать на корпусе банкомата или на видном месте в помещении ПВН.

Абзацы 1–3 пп. 1 ст. 12 Закона «О защите прав потребителей» содержат следующие правила: «Если предоставление ненадлежащей, то есть недостоверной или недостаточно полной информации о товаре (работе, услуге), а также об изготовителе (исполнителе, продавце) повлекло:

- приобретение товара (работы, услуги), не обладающего необходимыми потребителю свойствами, потребитель вправе расторгнуть договор и потребовать полного возмещения убытков. При этом потребитель обязан возвратить товар (выполненную работу) изготовителю (исполнителю, продавцу);
- невозможность использования приобретенного товара (работы, услуги) по назначению, потребитель вправе потребовать предоставления ему в разумно короткий срок надлежащей информации. Если информация в оговоренный срок не будет предоставлена, потребитель вправе расторгнуть договор и потребовать полного возмещения убытков. При этом потребитель обязан возвратить товар (выполненную работу) изготовителю (исполнителю, продавцу)...»

Одним из наиболее важных следствий применения к отношениям по выдаче и использовании персональной банковской карты законодательства о защите прав потребителей является то, что держатель данной карты имеет право не оплачивать государственной пошлиной соответствующие иски к эмитенту (п. 3 ст. 17 Закона «О защите прав потребителей»). Данные иски могут быть предъявлены в суд по месту жительства истца или по месту нахождения ответчика (п. 2 ст. 17 Закона «О защите прав потребителей»).

Также необходимо учесть, что операции с банковскими картами рассматриваются как банковские операции. При данном подходе операции с банковскими картами не входят в объект обложения налогом на добавленную стоимость (НДС).

Операции с банковскими картами состоят из операций по ведению счетов, осуществлению расчетов, кассовых операций, в ряде случаев они также включают прием депозитов и кредитование. Все приведенные операции являются банковскими (ст. 5 Закона «О банках и банковской деятельности») и в этом качестве не подлежат обложению НДС. Операции с банковскими картами также включают в себя специальное техническое обеспечение этих операций. Вопрос об НДС

в этой части будет решаться в зависимости от того, можно ли данное техническое обеспечение включить в состав той или иной банковской операции.

Клиент — частное лицо при пользовании банковской картой может получить материальную выгоду при пользовании кредитом. Применительно к операциям с банковскими картами приведенные положения означают, что если по предоставленному держателю кредиту предусмотрен «льготный период», в течение которого он не уплачивает банку проценты за пользование кредитом, то полученная держателем материальная выгода подлежит обложению налогом на доходы физических лиц по установленным правилам.

Так, ст. 212 Налогового кодекса РФ «Особенности определения налоговой базы при получении доходов в виде материальной выгоды» определяет:

«1. Доходом налогоплательщика, полученным в виде материальной выгоды, являются:

1) материальная выгода, полученная от экономии на процентах за пользование налогоплательщиком заемными (кредитными) средствами, полученными от организаций или индивидуальных предпринимателей...»

Заемные (кредитные) средства могут быть получены налогоплательщиком по договору займа, кредитному договору, договору товарного кредита.

В соответствии со ст. 807 Гражданского кодекса РФ по договору займа одна сторона (займодавец) передает в собственность другой стороне (заемщику) деньги или другие вещи, определенные родовыми признаками, а заемщик обязуется возвратить займодавцу такую же сумму денег (сумму займа) или равное количество вещей того же рода и качества.

Договор займа считается заключенным с момента передачи денег или других вещей.

Иностранная валюта и валютные ценности могут быть предметом договора займа на территории Российской Федерации с соблюдением требований Закона РФ от 09.10.1992 г. № 3615-1 «О валютном регулировании и валютном контроле» в случае предоставления уполномоченным банком налогоплательщику денежных средств в иностранной валюте по кредитному договору.

В случае установления налоговыми органами фактов выдачи организациями в пользование налогоплательщикам денежных средств без должного оформления такой выдачи договором займа, распространение положений ст. 212 Налогового кодекса РФ в части определения налоговой базы при получении дохода в виде материальной выгоды, полученной от экономии на процентах за пользование налогоплательщиком заемными средствами, производится в судебном порядке.

В соответствии со ст. 819 Гражданского кодекса РФ по кредитному договору банк или иная кредитная организация обязуются предоставить денежные средства заемщику в размере и на условиях, предусмотренных договором, а заемщик обязуется возвратить полученную денежную сумму и уплатить проценты на нее.

Согласно ст. 820 Гражданского кодекса РФ кредитный договор должен быть заключен в письменной форме, несоблюдение которой влечет его недействительность.

Кредитный договор вступает в силу с момента его подписания сторонами (кредитором и заемщиком), проценты за пользование кредитными средствами начисляются со дня поступления таких средств на счет заемщика, если иное не вытекает из кредитного договора.

На основе анализа экономико-правовых предпосылок использования банковских карт можно прийти к выводу о необходимости дополнения гл. 46 Гражданского кодекса РФ параграфом «Расчеты с использованием банковских карт», дать

определение банковской карты, а также обозначить основные условия ее использования.

Эта мера в дальнейшем позволит упростить составление договоров, касающихся банковских карт, и сократит число разногласий, возникающих между различными банками по этому вопросу.

Литература

1. Эллерман Т. Банковский бизнес в Европе. Основные направления развития // Эксперт. 2002. № 4.
2. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. М., 1997.

УДК 341.9(075)

В. И. Кайнов

Судопроизводство в римском частном праве

V. I. Kainov. Proceedings in roman private law

Статья посвящена актуальным проблемам развития института судопроизводства в Древнем Риме. Автор акцентирует внимание на особенностях защиты частных прав римских граждан со стороны государства.

Ключевые слова: судопроизводство, римское право, суд

Контактные данные: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44; (812) 313-39-42; e-mail: dept.kgpigp@engec.ru

The article is devoted to actual issues of proceedings institute development in Ancient Rome. The author draws attention to the specific features of Roman citizens' private rights defence by the state.

Key words: proceedings, Roman law, court

Contact details: 190103, Saint-Petersburg, Lermontovskiy pr., 44; (812) 313-39-42; e-mail: dept.kgpigp@engec.ru

Римскому понятию права (*ius*) соответствует несколько значений — это и правовой порядок, и знание добра и справедливости, и наука, и место, где осуществляется правосудие. Осуществление права состоит в совершении лицом законных, признаваемых правом и моралью действий, служащих для защиты его интересов, и оказании сопротивления нарушителю этих прав и законных интересов. Осуществление права заключается в совершении вытекающих из него действий пользования и распоряжения. «Праву в мирной тоге соответствует право в военном плаще», — говорили римляне. «Законы существуют для бодрствующих». От усмотрения самого лица зависит — будет он осуществлять свое право или нет, и в каком объеме. Человек может простить долг, оскорбление, обиду, а может этого и не делать. Пределы осуществления права ограничивались правами другого лица: нельзя было осуществлять свое право, при этом сознательно умаляя права и причиняя вред другому лицу. В римском праве было множество ограничений законных прав и интересов. Например, существовало

Владимир Иванович Кайнов — профессор кафедры государственного и международного права Санкт-Петербургской академии управления и экономики, доктор юридических наук.

© В. И. Кайнов, 2010.

так называемое соседское право, в соответствии с которым нельзя было строить слишком высокие заборы (закрывался свободный ток воздуха), возводить близко к соседнему дому свинарники и коровники (дурной запах). Поддерживать общественную дорогу в нормальном состоянии было обязанностью собственника, хотя по сервитутному праву этой дорогой пользовались все желающие; узупфруктуарий мог обратиться с иском к хозяину (собственнику), если тот вырубит красивые, но бесполезные деревья на его участке, и т. д.

Субъект мог осуществлять принадлежащее ему право в полном объеме, и никто не мог быть принужден к исполнению своего права (исключения принимались в целях защиты интересов других лиц, например, в последней четверти I в. был принят закон о понуждении наследника вступить в права наследства, если он должен был передать это наследство другому лицу). Также субъект мог передать свое право другому лицу (за исключением личных, семейных, завещательных прав). Субъект права мог прибегнуть к любым дозволенным средствам защиты своего права.

Для приобретения субъективного права необходимо было соблюдение следующих условий: наличие собственно самого субъекта права, затем — объект права, интерес, событие, которое обуславливало приобретение права (например, можно было приобрести сервитут на красивый вид, заключить пакт с соседом о взаимной непродаже имений, для того чтобы избежать возможного плохого соседства. Субъекты — римские граждане — собственники имений, объект — право собственности, интерес — неденежный — сохранение существующего положения). Определение права как искусства знания добра и справедливости носит характер нравственного пожелания. Поэтому праву субъективному сопутствовало право в объективном смысле — *norma agendi* — совокупность правил, соблюдение которых контролировалось обществом и государством.

Граница между субъективным и объективным правом проходила, по словам Гая, в разумном поведении самого лица: «Мы не должны дурно пользоваться своим правом; на этом основании расточителям воспрещается управление их имуществом» [1: 1.53].

Нормальный порядок осуществления прав (законный) в случае их оспаривания или нарушения состоял в обращении в суд, в который заинтересованное лицо предъявляло иск и доказывало правоту своих притязаний.

Установление факта нарушения прав, как публичных, так и частных, подлежало суду. Возникшее дело называлось *кауза* (*causa*), ведение процесса — *акция* (*actio*). Судопроизводство и право на суд именовалось *юрисдикцией*. Суд являлся необходимой функцией общественной власти. Дигесты определяли: «Иск — это право лица судебным порядком осуществлять принадлежащее ему требование» [3: 44.7.15; 1.4.6].

Прежде всего, римские юристы делили иски на *вещные* и *личные*, возникавшие из обязательственных требований, на *цивильные* и *преторские*.

История государства и права учит, что в первобытном государстве человек, на чье благо посягнули, вынужден был охранять его собственными силами. В этот период такими способами защиты являлись кровная месть и самоуправство.

Укрепление государства привело к расширению участия властных структур (суда в первую очередь) в деле защиты интересов своего гражданина, и поэтому в развитом государстве фактическая его охрана уступает место судебной. Иногда внесудебная охрана существует как редкое, исключительное явление в исключительных обстоятельствах — это необходимая самооборона и крайняя необходимость.

Самообороной в римском праве называлась необходимая охрана прав собственника и допускалась только против противозаконного насилия (принуждение

государства к отбыванию наказаний, выплате штрафа называлось легитимным, т. е. законным насилием).

Законы XII таблиц дают право на самозащиту собственнику против ночного вора, или дневного, но сопротивляющегося задержанию с оружием в руках [2]. Самоуправство, как способ осуществить право самостоятельно, без суда, довольно долго существовало в исполнительном производстве, но самовольно изымать вещи (наказывать виновного) без судебного решения было запрещено. Юлиан говорил, что тот, кто употребляет насилие против своего должника, лишается права требовать должное.

Восстановление нарушенного права было возможно двумя способами: *самоуправством* (самозащитой права) и *государственным способом*. Восстановление нарушенного права при помощи государства называется процессом. Деятельность лица, которое восстанавливает право, называется иском (*actio*). *Actio* — это юридический акт, совершаемый истцом с целью получения в суде благоприятного решения. Римские юристы рассматривали любой юридический вопрос прежде всего с точки зрения наличия исковой защиты, и только потом — наличия права.

Условием для возможности предъявления иска признавалось не наличие самого нарушенного права, а наличие иска, дающего такое право. Другими словами, не право порождало иск, а иск порождал право: ведь иск — это право лица судебным порядком осуществлять принадлежащее ему требование.

Значение термина *actio* в различные периоды развития права было разным: в древнем легисакционном процессе иски представляли собой формальные и ритуальные заявления сторон перед магистратом (претором); в формулярном процессе иск — обращение к претору с просьбой о предоставлении соответствующей конкретной формулы; в экстраординарном процессе — иск давал возможность требовать и получать судебную защиту со стороны представителя публичной власти.

В каждом отдельном процессе государство устанавливало, есть ли у истца право, нарушено ли оно ответчиком, и если на эти вопросы был получен положительный ответ, то государство восстанавливало истца в нарушенных правах.

Для того чтобы обладать правом предъявления иска, нужно было быть римским гражданином и главой семьи; женщины, находящиеся под опекой, могли обратиться в суд посредством своего опекуна; стороны должны быть в состоянии участвовать в судебном процессе.

Существовало три вида процесса — *легисакционный* (квиритский), *формулярный* (республиканский) и *экстраординарный* (императорский). Первые два вида составляли правовую основу римского гражданского процесса. Производство велось на латинском языке. Сторонами в процессе именовались лица, участвующие в нем¹. Гражданин, подававший иск, назывался истцом, а тот, против которого он был направлен, — ответчиком. Если стороны не требовали взаимоисключающих решений, а искали компромисс (например, делили неделимое имущество, проводили межевание и т. п.), то обе стороны считались одновременно и истцами, и ответчиками. Стороны могли принимать участие в процессе через представителя (поначалу только в виде исключения). Представители назывались когниторы или прокураторы. Причем когнитор назначался с соблюдением определенных процессуальных требований (например, если он представлял истца, то тот заявлял об этом в присутствии претора, если на стороне ответчика, то должен был гарантировать исполнение решения суда). Прокуратор же при-

¹ В учебниках римского права и при рассмотрении различных казусов было принято обозначать истца именем Авл Агерий (A. A.), а ответчика — Нумерий Негиций (N. N.).

существовал в качестве распорядителя (различие между этими фигурантами было устранено в Юстиниановом праве).

Судопроизводство в Риме распадалось на три периода: легисакционный, формулярный, экстраординарный (с III в.). Первые два вида римского процесса составляли правовую основу гражданского судопроизводства. Существенными чертами судопроизводства была его гласность — все процессы происходили в общественном месте, а при экстраординарном процессе суд происходил в императорских канцеляриях, куда допускались только участвующие стороны и их адвокаты.

И легисакционный, и формулярный процессы судопроизводства делились на две части — *in iure* и *in iudicio*.

В первой части — *in iure* — проходило изложение правовой проблемы перед претором как высшим должностным лицом, во второй — *in iudicio* — выносилось практическое решение дела по существу частным судьей (такое разделение, причины которого точно не установлены, существовало до конца III в., до введения когниционного, или экстраординарного процесса). Соответственно, первая стадия имела целью выяснение правовой стороны дела — наличие иска и связанной с этим процедуры. Общий ход судебного разбирательства претор определял своим эдиктом — назначал судью и следил за исполнением приговора. Эта деятельность называлась юрисдикцией (от слов *ius dicere* — говорить право).

Вторая стадия была посвящена проверке фактов, опросу свидетелей, рассмотрению представленных доказательств и т. п. Судебные коллегии — децимвиры (10 судей) — разбирали дела, относящиеся к свободе граждан; центумвиры (105 человек) ведали делами о наследстве и собственности. Для мелких процессов судьями были частные лица: *iudex* или *arbiter* (посредник).

Римляне довольно долго не признавали прямого представительства, потом стали допускаться поверенные — *patrony*. Если процесс был начат необдуманно, то сторона, вызвавшая его, подвергалась штрафу; если отрицалась доказанная виновность — с ответчика взыскивался двойной штраф.

Легисакционный — самый древний процесс. В этом процессе роль магистрата сводилась к простому направлению хода дела. В легисакционном процессе право на иск возникало из закона, прежде всего из Законов XII таблиц. На первой стадии спорящие стороны излагали перед магистратом (претором) свои претензии, опираясь на Законы XII таблиц, законы, принятые комициями (народными собраниями), сенатусконсульты (постановления сената). Именно по этим причинам (основа иска — нарушение закона) процесс назывался легисакционным (от *legis* — закон). Появление иска не допускалось, если он не был предусмотрен законом.

Общим условием легисакционного искового производства было требование абсолютной четкости формулировок иска, иначе иск считался проигранным и не рассматривался вообще. Участниками этого процесса могли быть только римские граждане.

Существовало пять форм легисакционного процесса:

- 1) процесс через пари;
- 2) процесс посредством наложения руки;
- 3) процесс через требование арбитра (третейского судьи — *abortive*);
- 4) процесс через взятие вещи в залог;
- 5) процесс через оповещение (посредством кондикции).

1. *Процесс через пари*. *Legis actio per sacramentum* — это общая форма — форма процесса через пари. В этой форме процесса проигравшая сторона проигрывала дело и сумму пари, т. е. ту денежную сумму, которую она заявляла. Самой

древней сферой действия этого процесса являлся иск о собственности — *actiones in rem*, причем главным условием этого иска было предъявление спорной вещи суду. Если ее невозможно было доставить в суд в натуре, то доставлялась какая-либо ее деталь (горсть земли, клочок шерсти, камень, щепка и т. п.). Истец приносил формулу и накладывал копьё (*vindicta*) на спорную вещь и клялся, что эта вещь его по праву квиритов. Такую же процедуру повторял и ответчик. Затем претор предлагал им оставить вещь. Истец предлагал ответчику пари на определенную сумму, установленную Законом XII таблиц, что эта вещь — его, ответчик поддерживал пари такой же суммой. Претор подводил черту под спором — литисконтестацией — и назначал судью. Затем дело переходило во вторую стадию, которая и рассматривала его по существу.

2. *Процесс посредством наложения руки.* Он применялся для взыскания долгов. В этих целях кредитор доставлял к магистрату должника и в установленной словесной форме заявлял о причитающемся ему долге и налагал на его руку, отсюда и название иска. Сам доставленный оспорить долг был не вправе. Это мог сделать за него кто-либо другой, т. е. поручитель, который рисковал тем, что в случае проигрыша дела он заплатит истцу вдвое больше. При отсутствии поручителя магистрат присуждал должника кредитору, который отводил его домой и держал в оковах 30 суток (в свою частную тюрьму) и в течение трех торговых дней выводил его на базарную площадь, предлагая договориться о выкупе должника. Если желающих не находилось, кредитор мог убить должника (в случае наличия нескольких кредиторов труп рассекали на соответствующее количество частей). Возможно, причиной казни были магические представления о том, что свежие куски тела убитого способствуют повышению плодородия почвы, и, таким образом, опосредованно долг все-таки возвращался. Смерть могла быть заменена продажей «за Тибр», т. е. за границу, к этрускам. В этом воплощался принцип римского политического устройства, в соответствии с которым бывший гражданин Рима не мог быть в нем рабом.

3. *Процесс через требование арбитра.* Об этом иске известно лишь, что в стадии *in iure* он сводился к просьбе о назначении судьи без внесения залога. Предположительно этот вид иска был возможен тогда, когда стороны признают права друг друга, но не могут договориться об их границах и обращаются к суду как к арбитру в возникшем споре, или же речь идет о разделе общей вещи.

4. *Процесс через взятие вещи в залог.* Здесь имеется в виду не обращение к магистрату, а самовольное действие истца — захват им вещи и удержание ее до уплаты ответчиком долга. Подобные действия могли применяться не самопроизвольно, а из закона или древнего обычая. Например, они могли применяться против того, кто, купив животное для принесения в жертву богам, не уплатил цену (Закон XII таблиц); если воин не получил жалованье потому, что какой-то гражданин не заплатил налог, то он мог вернуть свои деньги, завладев какой-либо вещью неплательщика (в соответствии с обычаем).

5. *Процесс через оповещение.* Сведения относительно этого иска настолько малы, что у специалистов имеются только самые общие представления об этом. Стороны обращались к претору о назначении судьи, а фактическое его назначение происходило через 30 дней, и дело из стадии *in iure* переносилось в стадию *in iudicio*. Для каких целей вводился этот иск и какие конкретные потребности обслуживал — невыяснено.

Особенности проведения процесса. Легисакционное судопроизводство требовало совершения определенных действий, например вызов ответчика в суд. Вызов ответчика являлся обязанностью истца. Ответчик мог согласиться с требованиями истца, и тогда процесс завершался на стадии *in iure*. Легисакционное

производство на второй стадии, *in iudicio* (у судьи), предполагало следующее правило: факты должны быть доказаны. Судья обязан предоставить средства доказательства и проводить расследования по их поводу. Средствами доказательства были: заявления сторон (под присягой), показания свидетелей (данные под присягой). Судья приносил клятву в том, что он будет судить в соответствии с правом. Помощь в расследовании дела судьям оказывали юристы. Судебное решение в отношении ответчика было либо оправдательным, либо обвинительным. При неявке стороны процесс выигрывала та сторона, которая явилась в суд. При исках о разделах, наследстве, размежевании не было проигравших или выигравших — такие иски назывались конституирующими, так как судебное решение в этом случае создавало новые права и новых собственников.

Формулярный процесс. Гай [1: 4.30] так писал о причинах смены легисакционного процесса формулярным: «Все эти законные иски вышли из употребления из-за излишней мелочности тогдашних юристов, малейшая ошибка в судопроизводстве вела к проигрышу дела. Поэтому законом Эбуция (около 130 г. до н. э.) и двумя законами Юлия (о гражданских и публичных судах, 17 г. до н. э.) эти законные иски были отменены, и с этого момента мы ведем судопроизводство посредством предписанных выражений, т. е. посредством формул». На смену определенным жестам и четким формулам приходит преторская формула, по которой и назван этот вид процесса. В отличие от исков, составленных на основе строгого права, формулы, основанием которых являлось право истца, назывались «формулы, составленные на праве истца».

Формулярный процесс был более гибким — он предусматривал право ответчика на возражение (экцепцию), т. е. у ответчика появилось право приводить такие возражения истцу, которые разрушали утверждение истца (например, ответчик, не опровергая по существу наличие того факта, что он брал деньги в долг у истца, говорил, что долг он давно вернул, или то, что возврат долга был отсрочен, и т. п.). Подобного права у ответчика в легисакционном процессе не существовало.

Легисакционные иски могли использоваться только римскими гражданами, и по мере вовлечения в торговый оборот иностранцев расширялась юрисдикция преторов перегринов и сокращалась деятельность обычных преторов. Впоследствии письменные формулы стали применяться и в деятельности городских преторов.

Сущность формулярного процесса сводилась к тому, что формулировка претензий судящихся сторон была в руках претора. Формула была не только юридическим актом, но и инструкцией со стороны магистрата, которой должен был руководствоваться судья при вынесении решения по делу. В случае неявки стороны на процесс, явившийся должен был привести доказательства своей правоты, чтобы получить решение в свою пользу, если же у стороны были уважительные причины неявки, присяжный судья мог назначить другой день для разбирательства дела.

Формулярный процесс сохранял те же две стадии, что и легисакционный, но теперь на стадии процесса «у претора» главным было получение преторской формулы, без которой рассмотрение дела по существу у присяжного судьи было невозможным. Формула учитывала декларации сторон, претензии истца, исковое возражение ответчика — они включались в документ. Основанием формулы являлась высшая воля претора или закона. Она составлялась в повелительном наклонении от имени третьего лица. Ее записывали на табличке, покрытой воском, внутренняя сторона которой скреплялась печатями тяжущихся сторон и свидетелей, и вновь открывались таблички уже на собственно судебном процессе — *in iudicem*.

Пример формулы по иску о хранении: «Пусть Юкунд будет судьей. Если выяснится, что А. А. отдал на хранение Н. Н. серебряный треножник, но этот предмет не был умышленно возвращен Нумерием Негидием Авлу Агерию, приговори, судья, Н. Н. выплатить А. А. столько, сколько эта вещь стоит; если выяснится, что он невиновен, — оправдай его».

Структурные части формулы: формула состояла из четырех обязательных составных частей (ординарных) и двух вспомогательных (добавочных, экстраординарных), которые могли добавляться к любому типу формул.

К *обязательным* относились:

- 1) *назначение судьи* («пусть судьей будет Октавий»);
- 2) изложение основания, из которого возник иск (*демонстрация*, или *указание*) — начиналась со слов «так как...» («так как Авл Агерий продал рабыню Нумерии Негидию»);
- 3) *интенция* — формирование собственно искового требования, проводившееся в условной форме, например «если верно, что Тиций должен 100»);
- 4) *кондемнация* — предписание о присуждении (или оправдании ответчика): «судья, присуди Нумерии Негидии заплатить 100 Авлу Агерию, но если долг не подтвердится — оправдай». В случае если иск был о разделе общей вещи, наследственной массы, о размежевании полей и т. п. вещам, то присуждение называлось адьюдикацией: «столько, сколько полагается отсудить, пусть будет отсужено».

Итак, порядок составления формул был следующим: прежде всего назначался судья, затем излагались претензии истца (интенция), и наконец, судье предлагалось обвинить или оправдать ответчика (кондемнация).

Центральным моментом процесса была *литисконтестация*, т. е. засвидетельствование спора. Она происходила в момент окончательной фиксации формулы. Стороны окончательно формулировали свои претензии, и тяжущиеся стороны уже не могли внести какие-либо изменения в занимаемые ими позиции. Самым важным последствием литисконтестации являлось погашение иска, т. е. иск не мог быть предъявлен снова. В случае приуменьшения требований к ответчику истец сохранял за собой право взыскать недополученное в следующем процессе; в случае преувеличения суммы требования, нарушения права ответчика на выбор места исполнения иска (например, альтернативное обязательство предусматривало плату в Риме или Коринфе, уплата рабом Стихом или рабом Тицием и т. п., а истец требовал что-либо конкретно, исключая право ответчика на выбор исполнения) истец терял право требования вообще. Это обосновывалось тем обстоятельством, что интенция не могла быть доказана, следовательно, она — ложная, а в формуле претора указывалось четко, что в случае недоказанности — «освободи» (ответчика). Второй раз по тому же самому поводу иск не подавался.

Интенция составляла предмет иска, его сущность и, в зависимости от вида иска, могла носить вещный или личный характер. Она являлась частью формулы, выражающей право, на которое претендует истец. Причем в личных исках имя должника упоминалось в интенции, если речь шла о вещном праве, то имя должника упоминалось в предписании о наказании. Например, в первом случае: «Если окажется, что Н. Н. должен А. А. ...» Во втором случае: «Если выяснится, что этот раб принадлежит А. А. по праву квиристов... то сколько раб будет стоить, столько пусть и заплатит Нумерий Негидий Авлу Агерию».

Если спор должен был решиться на основе норм строгого права (Закон XII таблиц), то она именовалась «интенцией писаного права»; в преторских исках в формуле появлялось указание на тот факт, который претор предлагал возможным защитить своей формулой.

Когда претор полагал вынесение решения на усмотрение добросовестного судьи, то интенция основывалась на доброй совести (*bonae fidei* — бона фидэ). В некоторых случаях иск мог состоять только из одной интенции и относился к преюдициальным (например, истец спрашивал, является ли Тиций наследником, свободным римским гражданином и т. п.). В зависимости от ответа мог последовать уже иной иск, в порядке обычного производства.

Приговор (кондемнация), так же как и интенция, различался по видам: например, кондемнация была указана в определенной сумме; в другом варианте судья должен был определить сумму сам; претор мог указать судье максимум той суммы, которую он мог взыскать; в случае отказа ответчика вернуть вещь — предмет спора — присяжный судья должен был определить сумму компенсации самостоятельно, опираясь на клятву истца о стоимости данной вещи.

Формула могла включать и две вспомогательные части: *эксцепцию* и *прескрипцию*.

Эксцепция находила применение в качестве возражения ответчика на иск. Это происходило в случаях, когда ответчик, признавая право истца, приводил некое обстоятельство, довод, в результате которых исполнение иска либо откладывалось, либо делало исполнение невозможным. Например, в иске по поводу займа ответчик заявлял, что выплата долга должна начаться через год; или то, что долг уже был погашен (отработан), либо сумма долга меньше, чем взыскивается, либо платеж (выполнение обязательства) должен проходить в другом месте и т. п. На возражение ответчика истец мог представить контрвозражение — так называемую *реплику*.

Прескрипция могла быть использована в различных целях — для уточнения исковых требований истца, дополнительных данных в пользу ответчика.

Прекращение исков и эксцепций происходило в следующих случаях:

- 1) смерть истца (например, если иск был о возврате дара по причине грубой неблагодарности одаренного);
- 2) смерть ответчика — в случае штрафного иска из причинения вреда (из деликта — *ex delicto*).

Эксцепции — также прекращались со смертью управомоченного лица.

С течением времени индивидуальные способы защиты, предоставленные претором в формулах, все более типизировались (иски из приданого, иски из истребования собственником своего имущества и т. д.). Можно выделить основные группы исков. Они делились на следующие группы:

1. *Гражданские и преторские*. Первые именовались исками строгого права, так как они предусматривались законом (прежде всего, Законами XII таблиц), и в описанном законом виде применялись на практике. В исках строгого права сохраняющееся возможное наказание было точно определено магистратом.

Преторские иски именовались исками доброй совести. Например, по квинритскому праву вещь принадлежала одному собственнику, а по преторскому праву — другому (как вариант — перегрину), но только от добросовестности квинритского собственника зависело, будет ли неквинритский собственник ею пользоваться (впоследствии при приоритетном значении преторского права предпочтение отдавалось преторским искам, а квинритские оставались «голыми», т. е. без преторской защиты). Преторские иски предоставлялись, как правило, на основе преторского эдикта (см. табл.).

2. *Иски вещные и личные*. Первые защищали право на вещь, а вторые могли быть обращены к определенному лицу, имеющему перед истцом какую-либо обязанность по обязательственному или деликтному праву (например, вернуть долг, что-либо сделать и т. п. обязательства).

Таблица

Цивильные и преторские иски

Цивильные иски	Преторские иски
Направлен на утверждение права (<i>actio in concepta</i>): «Если эта вещь принадлежит А. А. по праву квиритов, то...»	В основе иска — формула, порождающая право в зависимости от новых фактов, которых не было в гражданском праве. Преторские иски давались как исключение, ввиду отсутствия новых ситуаций в старом гражданском праве или в случае явного устаревания этих норм
Основан на законе, по преимуществу Законов XII таблиц	Иск основывался в том числе и на соображениях « <i>bona fide</i> » — «доброй совести», из соображений которой необходимо было дать просящему искомую защиту
Иск давался претором на основании права — право у истца уже есть, ему нужен иск	Право у истца появлялось только в том случае, если претор давал ему иск на защиту этого права

К такого рода искам относились, например, виндикационные (иск об истребовании собственности из чужого, незаконного владения, т. е. иск невладельца к владеющему несобственнику); петиторные (иск с требованием устранения препятствий к владению собственностью); иск по сервитутному праву и т. п.

3. Помимо этих исков стоит выделить такие иски, как *популярные* — их мог предъявить каждый в случае небрежно поставленных и подвешенных вещей (вывесок, балок, цветочных горшков и т. п.), падение которых могло угрожать безопасности людей; *арбитражные* (границы удовлетворения иска зависели от усмотрения судьи, например, когда вещь, которая должна быть возвращена истцу, погибла); *преюдициальные* (предъявлялись для того, чтобы вынесенное решение приобрело юридическую силу для будущего судебного разбирательства, как вариант — спор о том, кому именно принадлежит спорная вещь, является ли данный гражданин наследником и т. п.); *штрафные* иски имели характерной чертой наложение наказания не в форме простого возмещения, а кратного — двух-, трех-, четырехкратного возмещения. Этот вид исков применялся как наказание, например, в случае кражи — стоимость вещи и штраф за совершение деяния.

4. Особого внимания заслуживают *иски с фикцией* (Публицианов иск), при помощи которого претор защищал добросовестного владельца, не ставшего собственником. Право собственности не переходило, если не была проведена манципация (а она в данном случае была необходима по закону) или один из пяти приглашенных свидетелей не имел необходимой дееспособности, то продавец по-прежнему оставался собственником вещи, а покупатель был только ее владельцем, у которого собственник мог забрать вещь в любое время. Такой приобретатель мог защищать свое владение, ссылаясь на срок приобретательной давности. Но в любом случае собственник мог предъявить виндикационный иск о возврате собственности из чужого незаконного владения, и покупатель тем самым лишался приобретенной вещи. Это было в полном соответствии с Законом XII таблиц, но противоречило понятиям доброй совести. Поэтому претор Публий (последнее столетие республики), предложил в таких сделках считать срок приобретательной давности уже наступившим, хотя на самом деле это было не так. В формуле иска допускалось предположение о том, что срок приобретательской давности уже наступил (*фикция*).

5. *Ноксальные* (от глагола *nectere* — связывать) *иски* — для них отсутствует прямое сравнение. Речь идет об исках, возникающих из недозволенных поступков, совершенных подвластными, сыновьями, животными или рабами. В этом случае

патерфамилиас (глава семьи) имел право выбора — заплатить за ущерб или выдать подвластного, виновного в нанесении вреда (поха — вред) самому пострадавшему.

Исковая давность. Сущность исковой давности состоит в прекращении права иска, не предъявленного в течение установленного законом срока. В гражданском праве иски были вечными; преторские имели срок давности. Исковая давность начиналась с момента нарушения вещного права (в случае вещных исков), аличных — со срока исполнения требования. По истечении срока исковой давности ответчик приобретал право экцепции против истца, хотя само материальное право, лежащее в основании иска, не прекращалось.

Итак, можно выделить следующие характерные черты формулярного процесса в Древнем Риме:

- возросшая роль магистрата (лица должны были являться в суд по вызову магистрата);
- присяжный судья должен был строго следовать указаниям претора, данным им в формуле;
- большая простота и свобода в формулировании исковых претензий;
- появление искового возражения (экцепции) как существенного элемента защиты ответчика, которого не было ранее в легисакционном процессе;
- увеличение количества субъективных прав, защищаемых государством;
- истцом и ответчиком по этому виду гражданского процесса могли быть не только римские граждане, но и перегрины (иностранцы);
- денежное присуждение и разделение на две стадии судебного процесса сохранились.

Экстраординарный процесс получил название вследствие перехода от рассмотрения дела в две стадии к одной стадии первоначально в виде исключения, а затем одностадийное рассмотрение иска стало единственно возможным правилом. Принцепс Август предоставил консулам право единолично решать вопросы фидеикомиссов (завещательных распоряжений), споров по алиментным делам, опеке и некоторым другим. Этот процесс и название получил от характера рассмотрения споров — в исключительном, экстраординарном порядке. Процесс не разделялся на две стадии — *jus* и *iudicio*, — при которых выяснялись последовательно правовая и фактическая стороны дела, и по своей сути являлся административной мерой, когда разбор дела входил в компетенцию должностного лица. Магистрат, в который обращались спорящие, юридически квалифицировал дело, выносил решение и приводил его в исполнение.

С течением времени этот процесс вытеснил формулярный. В 294 г. Диокле-тиан издал указ об экстраординарном процессе как общей и единственной форме процесса.

Устный процесс сменился письменным, публичный — тайным (на судебное заседание не допускался никто, кроме судьи, спорящих и их адвокатов). Процесс стал платным, появилась возможность подавать апелляцию по процедурным соображениям (вплоть до императорской канцелярии). По времени данные судебные процессы могли идти очень долго. Апелляция подавалась не по поводу приговора как такового, а в виде иерархической жалобы на чиновника низшего ранга высшему, вплоть до императора, по факту неправильного ведения судопроизводства. Более того, власти были прямо заинтересованы в его затягивании, так как процесс стал платным.

Помимо денежного присуждения могла быть выдана и сама вещь; проигравшая сторона оплачивала судебные издержки. В процессе суда стороны получили возможность менять свои требования или возражения, требовать предоставления доказательств.

Что касается сбора доказательств, то судья имел в этом вопросе значительные полномочия и даже мог оставлять без внимания просьбы сторон, проявлял инициативу в сборе доказательств, т. е. играл активную роль в процессе (инквизиционный характер процесса). Среди доказательств наиболее важными являлись письменные доказательства, признание в суде, учитывались свидетельские показания и презумпции, свидетельства экспертов. Исполнение решений суда предусматривало привлечение к этим действиям государственных органов и их должностных лиц (например, проведение должностными лицами описи имущества должника).

Решение суда оглашалось публично и излагалось в письменной форме.

Таким образом, экстраординарный процесс императорского периода заложил основы современного гражданского судопроизводства.

Исполнение судебных решений

В легисакционном и формулярном процессах присяжный судья, если суть дела ему была неясна, мог устраниваться от разбирательства, сказав: «Мне иск неясен». В этом случае дело поступало к другому судье. Решив дело по существу, судья провозглашал (выносил) приговор — устно, без мотивировки. После этого проигравший процесс должен был выполнить решение суда. Для исполнения приговора ему давалось 30 дней. Если обязанный не выполнял решение суда, то истец просил у претора новый иск — на принудительное выполнение судебного решения. Решения суда всегда выражались в деньгах, даже если речь шла об имуществе. Если ответчик не протестовал против приговора, но у него не было денег и имущества для погашения долга, то он был обязан отработать его у кредитора.

Ответчик мог опротестовать свой долг. Тогда начинался новый судебный процесс. Вторично проиграв процесс, ответчик платил двойную сумму долга.

Средствами выполнения приговора была также экзекуция — в универсальном или реальном виде. Универсальной называлась такая экзекуция, в ходе которой назначался конкурс по делам должника — претор вводил кредитора во владение имуществом должника. Приобретатель имущества расплачивался по долгам бывшего собственника. Специальная экзекуция заключалась в том, что претор посылал к должнику специально уполномоченных лиц на принудительное изъятие у него какой-либо ценной вещи, которая продавалась в течение двух месяцев. Из полученных денег возмещался долг кредитору, а в случае наличия излишка он возвращался должнику.

Вместе с тем римское право также знало правовые способы сокращения количества тяжущихся и ускорения гражданского процесса. Так, если ответчик неосновательно отклонял иск, то он платил штраф и выплачивал двойную сумму требования; в некоторых случаях к имущественному наказанию присоединялось и гражданское бесчестье (инфамия). Если истец неосновательно подавал иск, то ответчик налагал на него штраф, в сумме равный тому, какой он требовал с ответчика. Юстиниан сохранил штраф в двойном размере по отношению к отрицающему ответчику, но в более позднем праве и он был отменен, так как судебные издержки стали возлагать на проигравшую сторону.

Литература

1. Гай. Институции. М., 1997.
2. Законы XII таблиц // Хрестоматия по истории государства и права Древнего мира. М., 2002.

3. Памятники римского права. Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М., 1997.
4. Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. М., 1996.

УДК 336.74

Т. С. Юркова

Государственное регулирование российского валютного рынка: предпосылки и эффекты либерализации

T. S. Yurkova. Government regulation of the Russian currency market: background and effects of liberalization

Статья посвящена изучению проблем либерализации российского валютного рынка, причин и необходимости перехода к данной системе валютного регулирования, анализу тех существенных изменений, которые затронули российскую экономику и, как следствие, юридическую практику ввиду отмены целого ряда валютных ограничений.

Автором анализируются факты внесения поправок в нормативно-правовые акты в области валютного права, проводится анализ их введения в разрезе практической реализации в сложившейся экономической системе, показываются преимущества и недостатки «обновленной» системы валютного регулирования.

Ключевые слова: либерализация валютного законодательства, нормативные поправки, валютный рынок, государственное регулирование, валютный контроль

Контактные данные: 191023, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, 30; (812) 272-15-96; e-mail: tanjau@mail.ru

The article is devoted enough actual for today a problem of liberalization of the Russian currency market, the reasons and necessity of transition to the given system of currency regulation, the analysis of those essential changes which have mentioned the Russian economy and as consequence, legal practice because of a cancellation of a lot of currency restrictions.

By the author are described not only the facts of entering of amendments in legal currency acts, but also the analysis of their values in practical realization of the usual economic system, advantages and lacks of the “updated” system of currency regulation will be carried out.

Key words: currency legislation liberalization, normative amendments, currency market, government regulation, exchange control

Contact details: 191023, Saint-Petersburg, Griboedov chanel, 30; (812) 272-15-96; e-mail: tanjau@mail.ru

В условиях современной экономики осуществляется рыночное и государственное регулирование валютных отношений, которые в большинстве развитых стран дополняют друг друга. Рыночное регулирование, основанное на конкуренции, прежде всего стимулирует развитие валютного рынка, а государственное регулирование направлено на преодоление негативных последствий рыночного регулирования валютных отношений.

Татьяна Сергеевна Юркова — аспирант кафедры международных экономических отношений Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов.

© Т. С. Юркова, 2010.

Соотношение между данными методами в каждой конкретной стране корректируется в зависимости от целей проводимой политики и текущего состояния национальной экономики. Кроме того, валютное регулирование является одним из важнейших средств реализации денежно-кредитной политики государства и может осуществляться на национальном, региональном и международном уровнях.

Внутригосударственное регулирование по своей природе направлено на установление контроля со стороны государства за внешними (экспортными и импортными) и внутренними валютными потоками. Оно необходимо также для контроля за ситуацией на внутреннем валютном рынке с целью поддержания равновесия платежного баланса государства и устойчивости национальной валюты.

Важную роль играет валютное регулирование в странах, где национальная валюта является частично конвертируемой или неконвертируемой (замкнутой). В этой связи возникает вопрос о значении валютного регулирования в нашей стране в условиях перехода на режим свободной конвертируемости российского рубля.

В Российской Федерации в отличие от многих развитых стран валютное регулирование продолжает осуществляться путем использования механизмов государственной валютной монополии. В частности, Банк России устанавливает и публикует официальные курсы иностранных валют по отношению к рублю [1].

Валютное регулирование на любом уровне его осуществления может быть прямым (если осуществляется путем нормативного закрепления валютных ограничений) или косвенным (если воздействие на валютный рынок оказывается посредством использования экономических рычагов влияния на поведение субъектов этого рынка, например путем осуществления ЦБ валютных интервенций).

Таким образом, валютное регулирование осуществляется как юридическими, так и экономическими методами.

С учетом этого в теории финансовой науки выделяются следующие основные формы валютного регулирования.

1. *Экономические:*

- дисконтная политика;
- девизная политика;
- девальвация/ревальвация национальной валюты.

2. *Юридические:*

- установление правового режима осуществления вещных прав на валютные ценности;
- установление валютных ограничений в отношении валютных операций и (или) валютных сделок, в том числе регулирование степени конвертируемости национальной валюты или системы валютного курсообразования;
- определение порядка формирования и функционирования органов валютного регулирования, органов и агентов валютного контроля.

Среди вышеперечисленных форм валютного регулирования доминирующую роль до определенного этапа экономического развития РФ играли валютные ограничения, составляющие наряду с определением механизма валютного контроля основу валютного регулирования на национальном уровне. По мнению ряда авторов, основные задачи введения валютных ограничений, как то: *выравнивание платежного баланса, поддержание курса национальной валюты, концентрация валютных ценностей в руках государства для решения текущих и стратегических задач*, в целом, по своей сущности, совпадают с целями осуществления валютного регулирования, которые можно обозначить следующим образом:

- создание и обеспечение функционирования органов валютного регулирования, органов и агентов валютного контроля;

- установление и реализация определенного порядка проведения операций с валютными ценностями на внутреннем валютном рынке, порядка трансграничного перемещения валютных ценностей;
- регламентация международных расчетов;
- поддержание стабильного курса национальной валюты и национального платежного баланса;
- обеспечение оптимального режима взаимодействия с мировым валютным рынком [2].

Обращаясь к нормам основного источника валютного права, следует отметить, что положениями ФЗ № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» установлены единые принципы валютного регулирования и валютного контроля, что еще раз подчеркивает целесообразность идеи отнесения принципов валютного контроля к мерам реализации принципов государственного валютного регулирования.

Таким образом, ст. 3 Закона к основным принципам валютного регулирования и валютного контроля в Российской Федерации относит:

- 1) приоритет экономических мер в реализации государственной политики в области валютного регулирования;
- 2) исключение неоправданного вмешательства государства и его органов в валютные операции резидентов и нерезидентов;
- 3) единство внешней и внутренней валютной политики Российской Федерации;
- 4) единство системы валютного регулирования и валютного контроля;
- 5) обеспечение государством защиты прав и экономических интересов резидентов и нерезидентов при осуществлении валютных операций [3].

Государственное регулирование и контроль российского валютного рынка

Введение внешней конвертируемости рубля влечет за собой внутренние и внешние экономические риски. Отменить законодательно валютное регулирование достаточно легко, однако на нем завязана большая система нормативных документов, подзаконных актов и инструкций, которые необходимо привести в соответствие с новыми реалиями.

Кроме того, именно на валютном контроле в значительной мере и держалась система сбора информации о внешнеэкономической деятельности предприятий. После того как в 1998 г. все внутренние расчеты между хозяйствующими субъектами официально стали рублевыми, а их внутренние валютные счета были закрыты, валютный контроль стал самым простым и надежным инструментом сбора статистических сведений о деятельности предприятий [4].

Разрушение этой системы чревато возникновением различного рода лазеек в законодательстве, которые потом придется долго закрывать, затрачивая немалые средства и усилия. Прежде всего это относится к области налогового законодательства: достаточно вспомнить о громких делах по неуплате налогов, которые начинались с перекрестных проверок валютных деклараций.

Вторая группа внутренних рисков — это риски для импортеров. Для закупки товаров и оборудования им, как известно, нужно приобретать на бирже иностранную валюту. Однако внешняя конвертируемость рубля может привести к тому, что валютный поток от экспорта сократится, а номинальный курс иностранной валюты начнет расти. Хотя вряд ли эта тенденция будет сильной. Дело в том, что сейчас успешно продвигаются переговоры по досрочному погашению

всего российского внешнего долга. Если они завершатся соглашением, то с биржевого рынка валюты уйдет весьма крупный покупатель — Минфин, который до этого скупал валюту и гасил ею внешний долг России. Этот факт немедленно продавит котировки иностранных валют вниз, что перекроет тенденцию к повышению курса из-за ослабления экспортного притока. В конечном итоге проигрыш импортеров может оказаться незначительным. Вполне возможно, что они даже окажутся в выигрыше из-за укрепления реального курса рубля [5].

Сначала нужно договориться о терминах. Что понимать под полной конвертируемостью? Если говорить о формальных юридических и технических ограничениях, которые проистекают из закона и нормативных актов, то речь идет о снятии всех ограничений, которые предусмотрены законом о валютном регулировании. Следствием этого должно стать формирование свободного обращения рубля и рублевых активов, прежде всего связанных со счетом капитала.

Под полной конвертируемостью рубля мы понимаем свободу его использования за рубежом в расчетах или каких-то иных транзакциях, открытия рублевых счетов за границей, обмена рублей на другие валюты в обменных пунктах.

Конвертируемость с этой точки зрения — вопрос не регулятивный, это вопрос практики рынка: насколько конкретные люди, банки, компании готовы осуществлять свою деятельность в привязке к рублю [6].

Проблема не в том, принимается ли за пределами России рубль в обменных пунктах, его и сейчас принимают в некоторых европейских столицах. Надо быть уверенным в том, что рубль примут везде, как доллар или евро. Пока в бытовом, общечеловеческом плане полной конвертируемости нет даже у такой валюты, как евро. К рублю такое понимание конвертируемости применить еще более затруднительно, поскольку он пока еще не нашел своей ниши во многих сферах, где он мог бы быть использован.

Что касается изменения регулирования, оно достаточно легко технически реализуемо. Отменить не проблема, проблема в том, чтобы упразднение одних документов и регуляций не навредило в каких-то смежных сферах.

Формально улучшающиеся шестой год подряд российские экономические показатели действительно дают России основание рассчитывать на устойчивую и всемирно признанную валюту.

Формально российский рубль считается конвертируемым (точнее, конвертируемым по текущим операциям) с лета 1996 г. — с того момента, когда страна подписала VIII статью устава МВФ. Содержательно указанная статья говорит, что «страна-участник воздерживается от введения ограничений на платежи и трансферты по текущим операциям и отказывается от присоединения к дискриминационным валютным соглашениям или введения множественных обменных курсов».

В 1996 г. ситуация на российском валютном рынке была более или менее стабильной: увеличение денежной массы сдерживалось путем выпуска ГКО, а сам валютный рынок действительно не имел никаких ограничений по текущим операциям с нерезидентами. Более того, действовали механизмы, способствующие притоку средств из-за рубежа (на тот же рынок ГКО): в 1997 г. — централизованное хеджирование валютных рисков, в 1998 г. — хеджирование этих рисков коммерческими банками.

К лету 1998 г., по мере нарастания кризисных явлений, в полном объеме проявились те опасности, которые несет либеральный валютный рынок: началась массовая скупка валюты на внутреннем рынке, осуществляемая с нерезидентских счетов.

Золотовалютные резервы стремительно таяли, и те меры, которые были приняты Правительством 17 августа 1998 г., оказались фактически предопределен-

ными. Наиболее существенное влияние на валютное регулирование из принятых тогда мер оказал 90-дневный мораторий на выплату банками внешних долгов: таким способом (нелиберальным и *de facto* выводящим страну из перечня стран с конвертируемой валютой) власти постарались остановить отток капитала.

В последующие недели и месяцы ЦБ ввел ряд ограничений, закрепляющих «нелиберальность» российского валютного рынка. Да, курс по-прежнему определялся на основании рыночных торгов, и для населения валютный рынок оставался либеральным — как в отношении операций с наличностью, так и в отношении валютных вкладов [7]. Торги по доллару стали гораздо более технологичными — именно в этот момент основой валютной торговли ММВБ стала электронная система СЭЛТ.

В отношении экспортно-импортных операций режим ужесточился: были введены обязательные продажи валютной выручки экспортерами, установлены нормативы для банков по открытым валютным позициям (фактически введение этих нормативов означало, что банк не имел права покупать валюту для себя — только по заказу клиента).

Жесткость валютного регулирования, первоначально необходимая для стабилизации валютной системы, в последующие годы стала избыточной. В рамках постепенной либерализации власти поэтапно снижали нормативы обязательной продажи валютной выручки (в настоящее время этот норматив составляет 0%). Впрочем, комплексно вопрос либерализации мог решить лишь новый закон о валютном регулировании. Этот закон и вступил в силу 18 июня 2006 г. [5].

Закон существенно ослабил требования к владельцам валютных счетов, в первую очередь — к участникам внешнеэкономической деятельности. Но новые ограничения, которые предполагалось поэтапно снимать в период до 2007 года, по сути, восстановили все прежние ограничения. Складывается ощущение, что все изменения пока относятся к сфере банковской отчетности: их оказалось столь много, что банковское сообщество возмутилось. И ЦБ пошел навстречу.

По просьбе АРБ и Ассоциации региональных банков ЦБ принял решение не применять до 1 сентября 2004 г. штрафные санкции за нарушение нормативных актов, обеспечивающих новый закон. А в случае выявления нарушений территориальным учреждениям Банка России рекомендовано применять к банкам-нарушителям исключительно предупредительные меры воздействия [7].

Новый закон изменил порядок многих операций с разрешительного на уведомительный. Теперь не нужно получать разрешения на операции, связанные с движением капитала: нужно лишь уведомлять ЦБ. Также отменено обязательное резервирование денежных средств.

Многие эксперты, в том числе представители АРБ, отмечают, что отмена ограничений может ослабить устойчивость банковской системы. Впрочем, в законе есть оговорки, позволяющие в случае непредвиденного ухудшения экономической ситуации вводить временные ограничения. Именно таким ограничением явилось, например, сохранение до 2007 года норм обязательной продажи валютной выручки.

Можно говорить и о ряде важных изменений, улучшающих условия для физических лиц. Обмен валюты, не требующий теперь справки, — частности. Важнее то, что теперь у каждого россиянина есть возможность открыть счет в иностранном банке.

Впрочем, открыв счет в иностранном банке, необходимо обязательно уведомить российские налоговые органы: ведь при первом переводе средств физического лица на счет в зарубежном банке нужно предъявить такое уведомление (обязательно — с отметкой о его принятии). Для российских банков

это в перспективе может означать некоторый отток средств, увеличение международной конкуренции. Позитивным моментом при этом является обратная сторона — возможно, теперь больше иностранцев захотят размещать средства в российских банках.

Однако, в реалии отмены ряда имеющих существенное значение валютных ограничений, возникает правомерный вопрос о фактической реализации целей, которые ставятся перед существующей системой валютного регулирования: насколько их актуальность способствует осуществлению валютного регулирования?

Что касается изменения регулирования, оно достаточно легко технически реализуемо. Нормативный документ, связанный с отменой, обычно содержит две-три строчки: «Отменить то-то и то-то». Отменить не проблема, проблема в том, чтобы упразднение одних документов и регуляций не навредило в каких-то смежных сферах. Валютное регулирование помимо различного рода ограничений имело и имеет еще одно очень серьезное применение: сбор необходимой информации для составления платежного баланса. Отменяя какой-либо отчет в рамках валютного регулирования, можно потерять эту информацию, и качество составления платежного баланса может ухудшиться. Когда сбор информации сопряжен с определенными требованиями, за которые могут быть какие-то наказания или штрафы, тогда отчетность собирается более точно, значительно более корректно, чем когда она собирается просто в порядке добровольно предоставляемой информации. Поэтому самое важное и самое главное при отмене или изменении того или иного документа — не сломать ту систему, которая находится вокруг норм валютного регулирования и, прежде всего, в сфере сбора отчетности [5].

Современные тенденции либерализации валютного законодательства

Основной предпосылкой формирования либеральной валютной системы является устойчивость национальной валюты. Чем более стабильным является ее курс, тем меньше необходимости испытывают государственные органы в применении экономических и правовых мер валютного регулирования.

Еще в 1998 г., по мере нарастания кризисных явлений, в полном объеме проявились те опасности, которые несет либеральный валютный рынок: началась массовая скупка валюты на внутреннем рынке, осуществляемая с нерезидентских счетов.

Золотовалютные резервы стремительно таяли, и те меры, которые были приняты правительством 17 августа 1998 г., оказались фактически предопределенными. Наиболее существенное влияние на валютное регулирование из принятых тогда мер оказал 90-дневный мораторий на выплату банками внешних долгов: таким способом (нелиберальным и *de facto* выводящим страну из перечня стран с конвертируемой валютой) власти постарались остановить отток капитала.

Таким образом, со времени вступления в силу закона произошли существенные изменения, среди которых нельзя не отметить общее оздоровление финансовой ситуации в Российской Федерации и укрепление национальной валюты. Известно, что лишь в условиях стабильно развивающейся экономики и эффективной финансовой системы возможна либерализация валютного регулирования, которая в свою очередь должна обеспечить ускорение темпов роста национальной экономики.

При данных условиях первоочередной целью валютного контроля становится решение таких задач, как создание максимально благоприятных условий для

развития внешней торговли, привлечения внешних инвестиций, стимулирования инвестиционной активности, обеспечения финансовой стабильности.

Законом предусмотрена гибкая система установления и снятия ограничений на осуществление валютных операций, находящаяся в тесной взаимосвязи с уровнем развития национальной экономики и состоянием финансово-кредитной системы страны. Новая редакция закона отменила с 1 июля 2006 г. нормы закона «О валютном регулировании и валютном контроле», предоставляющие правительству и ЦБР право устанавливать требование о резервировании денежных средств при совершении валютных операций движения капитала между резидентами и нерезидентами. Также предлагается отменить требования об обязательном использовании специальных счетов для зачисления и перевода денег.

Кроме того, отменяется обязательная продажа валютной выручки экспортерами и снимается ряд ограничений для физических лиц. Законопроект сводит к минимуму ограничения на совершение операций по валютным счетам физических лиц, открытым как в РФ, так и за рубежом. Например, гражданам больше не понадобится получать какие-либо разрешения или регистрировать такие счета.

Одновременно снимаются ограничения на приобретение российскими гражданами долей и вкладов в капиталах иностранных компаний, паев в их имуществе, акций иностранных акционерных обществ.

Так, с 1 июля 2006 г. Правительство РФ утратило право устанавливать ограничения на следующие операции между резидентами и нерезидентами:

- расчеты и переводы между резидентами и нерезидентами при предоставлении резидентами нерезидентам коммерческих кредитов на срок более 180 календарных дней в виде предварительной оплаты в связи с осуществлением внешнеэкономической деятельности (передачи нерезидентами исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности), предоставление нерезидентами прав на использование объектов интеллектуальной собственности резидентам, выполнение нерезидентами работ и оказание нерезидентами услуг резидентам;
- расчеты и переводы при приобретении резидентами у нерезидентов долей, вкладов, паев в имуществе (уставном или складочном капитале, паевом фонде кооператива) юридических лиц, при внесении резидентами вкладов по договорам простого товарищества с нерезидентами;
- расчеты и переводы между резидентами и нерезидентами на условиях предоставления резидентами нерезидентам отсрочки платежа на срок более 3 лет при экспорте товаров, указанных в разделах XVI, XVII и XIX Товарной номенклатуры ВЭД;
- расчеты и переводы между резидентами и нерезидентами на условиях предоставления резидентами нерезидентам отсрочки платежа на срок более 5 лет за производимые резидентами за пределами территории РФ строительные и подрядные работы, а также за поставляемые товары, необходимые для выполнения этих работ;
- расчеты и переводы между резидентами и нерезидентами на условиях предоставления резидентами нерезидентам отсрочки платежа на срок более 180 календарных дней в связи с осуществлением внешнеэкономической деятельности, за исключением отдельных операций;
- расчеты и переводы между резидентами и нерезидентами при предоставлении резидентами нерезидентам коммерческих кредитов на срок более 3 лет в виде предварительной оплаты при импорте товаров, указанных в разделах XVI, XVII и XIX Товарной номенклатуры ВЭД.

Кроме того, Банк России с 1 июля 2006 г. утрачивает право устанавливать ограничения при проведении резидентами и нерезидентами следующих операций:

- расчеты и переводы при получении резидентом (физическим лицом индивидуальным предпринимателем и юридическим лицом) от нерезидента кредита и займа в иностранной валюте и расчеты и переводы по приобретению у нерезидентов и отчуждению в пользу нерезидентов внешних ценных бумаг, включая расчеты, связанные с передачей внешних ценных бумаг (прав, удостоверенных внешними ценными бумагами);
- расчеты и переводы при предоставлении резидентом (физическим лицом индивидуальным предпринимателем и юридическим лицом) нерезиденту займа в иностранной валюте, расчеты и переводы по операциям с внешними ценными бумагами между резидентами (физическим лицом индивидуальным предпринимателем и юридическим лицом) и нерезидентами;
- переводы средств резидентами на свои счета (вклады), открытые в банках за пределами территории РФ, со своих счетов (вкладов) в уполномоченных банках;
- приобретение нерезидентами у резидентов и отчуждение в пользу резидентов облигаций, выпущенных от имени РФ, являющихся внутренними ценными бумагами;
- приобретение нерезидентами у резидентов и отчуждение в пользу резидентов облигаций, являющихся внутренними ценными бумагами, за исключением облигаций, выпущенных от имени РФ, являющихся внутренними ценными бумагами;
- расчеты и переводы при получении от резидента кредитов и займов в валюте РФ, для привлечения от резидента валюты РФ, полученной от первичного размещения (выпуска) акций и облигаций, являющихся внутренними ценными бумагами, эмитентом которых является нерезидент;
- расчеты и переводы при предоставлении резиденту кредитов и займов в валюте РФ для приобретения у резидента неэмиссионных ценных бумаг и т. д.;
- купля-продажа иностранной валюты и чеков (в том числе дорожных чеков), номинальная стоимость которых указана в иностранной валюте, резидентами, не являющимися физическими лицами, и нерезидентами.

Правительство считает, что изменение закона обеспечит свободный выход резидентов на рынок прямых инвестиций в зарубежные страны, так как исключит необходимость резервирования средств при осуществлении прямых и портфельных инвестиций в зарубежные компании и обеспечит свободу расчетов между резидентами и нерезидентами во внешнеэкономической сфере. Это станет еще одним важным шагом в рамках процесса присоединения России к Всемирной торговой организации.

Так, предлагаемые правительством изменения являются серьезным шагом в сторону либерализации валютного законодательства и необходимы для обеспечения свободной конвертируемости российской валюты.

Значение отмены валютных ограничений — прикладной характер нормативных поправок

Российская экономика характеризуется заниженным реальным курсом рубля, положительным торговым балансом за счет экспорта нефти и чистым оттоком капитала на фоне сравнительно высоких страновых рисков и стоимости привле-

чения капитала. Отмена ограничений на движение капитала является одним из важных источников снижения стоимости привлечения капитала.

Ограничение движения капитала может способствовать улучшению размещения ресурсов и увеличению национального дохода отдельно взятой экономики в краткосрочной перспективе.

Это может быть желательно или даже необходимо при:

- низком реальном курсе национальной валюты;
- большом дефиците текущего баланса;
- сильной зависимости какой-то одной отрасли/производства от импорта;
- значительной доле в экспорте какой-либо одной группы товаров.

В современной российской экономике мы выделяем четыре предпосылки отмены ограничений на движение капитала.

1. Сдерживание конкуренции.

Заниженный курс выгоден экспортерам и отечественным производителям: экспортерам он позволяет увеличить доход в национальной валюте, а производителям повысить ценовую конкурентоспособность на внутреннем и внешнем рынках. Такое состояние, однако, неизбежно влечет замедление реструктуризации и экономического роста. Исправить ситуацию может отказ от поддержания заниженного реального курса и ослабление ограничений на движение капитала.

2. Высокие издержки, связанные с инвестированием.

Ограничения на движение капитала означают не только дополнительные расходы, прямо увеличивающие издержки инвесторов, но и дополнительные риски. Проблема конкурентоспособности заключается в том, что уже сейчас рубль считается недооцененным.

В 1998–1999 гг. четырехкратная девальвация рубля позволила российским компаниям открыть или возобновить производство и затем начать инвестировать в технологии. Когда же платежеспособный спрос растет опережающими темпами за счет рентного дохода от экспорта сырья, дешевый рубль выливается в инфляцию и становится фактором сдерживания конкуренции и, следовательно, экономического роста.

3. Потенциальная макроэкономическая нестабильность, исходящая из нефтяной зависимости.

Долгосрочная макроэкономическая стабильность требует отказа от систематической поддержки обменного курса и предполагает, что регулирование и редкие интервенции направлены, главным образом, на сглаживание пиковых колебаний вокруг «равновесного» уровня и предотвращение спекулятивных атак.

В случае падения доходов от нефти России грозит понижение рубля и, следовательно, дальнейшее ухудшение баланса операций с капиталом. Возможность такого развития событий включается, в частности, в валютный риск. Это является одной из важнейших причин малого удельного веса долгосрочных вложений в российскую экономику.

4. Медленное развитие финансового рынка и интеграции.

Либерализация режима обменного курса необходима не только для увеличения притока капитала, но и для того, чтобы обеспечить гибкость рынка капитала. Это, в свою очередь, является необходимым условием снижения системных рисков, роста капитализации активов, секьюритизации, диверсификации финансовых инструментов.

Очевидно, что снятие всех ограничений на валютные операции — это значительный шаг в деле усиления позиций России на международном экономическом пространстве.

Государство, претендующее на ведущие роли в мировой экономике, должно иметь свободно конвертируемую валюту, привлекательную для использования в качестве средства платежа, накопления и инвестиций. Вряд ли стоит ожидать, что структура валютного рынка существенно изменится в короткий срок. Также не факт, что на российский рынок сразу хлынет поток западных спекулятивных либо инвестиционных денег. Те, кто был заинтересован во вложениях в российскую экономику или российский финансовый рынок, уже сделали это, несмотря на наличие последних ограничений.

Для тех, кто еще только планирует выходить на российский рынок, факт полной либерализации валютного законодательства, бесспорно, важный, но далеко не определяющий.

Литература

1. Федеральный закон от 10 июля 2002 года № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Российская газета. 13 июля 2002. № 127; Собрание законодательства РФ. 15 июля 2002. № 28. Ст. 2790.
2. *Жиренко В. В.* Механизм валютного регулирования внешнеторговых сделок в России. М., 2006.
3. *Савицкий С.* О некоторых вопросах валютной либерализации // Российская газета (федеральный выпуск). 14 февраля 2007. № 4294.
4. *Хмыз О. В.* Проблемы введения валютной конвертируемости // Финансовый менеджмент. 2006. № 4.
5. *Шмырева А. И.* Валютное регулирование и контроль в системе международных экономических отношений // Иностраннный капитал в России. 2007. № 7.
6. *Эрделевский А. М.* Об изменениях в валютном законодательстве России // Деньги и кредит. 2007. № 2.
7. *Селивановский А. С.* Новый этап валютного регулирования // Бухгалтерский учет. 2006. № 19.

Руководитель Информационно-издательского центра СПбАУЭ
Е. Ю. Князев
Ответственный секретарь редакции
Д. А. Беляева
Корректор *Г. М. Матвеева*
Компьютерная верстка *Т. П. Олоновой*

Санкт-Петербургская академия управления и экономики
190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44
Тел.: (812) 363-11-69, 448-82-50
E-mail: izdat-ime@yandex.ru
URL: <http://www.spbame.ru>

Подписано в печать 21.09.2010.
Формат 60 × 90%. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 10. Уч.-изд. л. 6,1.
Тираж 500 экз. Заказ № 568.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-33503
от 17 октября 2008 г.

Отпечатано в типографии ООО «Скифия-принт»
197198, Санкт-Петербург, Ропшинская ул., д. 4
Тел./факс: (812) 715-26-45